

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Из современных авторов
мало кто работает так же глубоко,
многогранно вдохновенно, как Г. Л. Олди...

«Мир фантастики»

ЦИКЛОП

КНИГА II
КОРОЛЬ КАМНЕЙ

Циклоп

Генри Олди
Король Камней

«Автор»

2012

Олди Г. Л.

Король Камней / Г. Л. Олди — «Автор», 2012 — (Циклоп)

Однажды в подземельях Шаннурана, где властвует чудовищная Черная Вдова, сошлись трое: мальчик Краш, приемный сын Вдовы, великий маг Симон Пламенный и авантюрист Вульм из Сегентарры. Двадцать лет спустя судьба вновь сводит их вместе. Мальчик вырос, откликается на прозвище Циклоп и носит кожаную повязку, закрывающую лоб. Маг после битвы с демоном тяжело болен – и вынужден искать помощи у Циклопа. Что же до авантюриста, то он хорошо усвоил, что лишь драконы смеются последними. Зимой, в снегах, заваливших мрачный город Тер-Тесет, этой троице будет жарко. Гибнет настройщица амулетов Инес ди Сальваре, которую болезнь превратила в чудовище, и Циклоп – верный слуга Инес – решает продолжить исследования хозяйки, над которыми смеялись сильнейшие волшебники округи... Роман «Циклоп» авторы посвятили Роберту Говарду, одному из отцов современной фэнтези. Впрочем, декорации «меча и магии» лишь оттеняют реалистичность повествования. Вторая, заключительная книга романа включает в себя также рассказы «Скороход его величества» и «Смех дракона» – картины прошлой жизни героев.

© Олди Г. Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава первая	12
1.	12
2.	15
3.	20
4.	25
5.	27
6.	31
Глава вторая	33
1.	33
2.	37
3.	41
4.	43
5.	46
6.	48
7.	51
Глава третья	53
1.	53
2.	57
3. Сила слабых	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Генри Лайон Олди Король Камней

*И ветра жгучего как лед запомнил я порыв,
И темной пропасти в ночи зияющий обрыв,
И путников, бредущих в ад, покорных как рабы,
И с Пращуром бессмертным бой у самых Врат Судьбы.
Я смехом злым не провожал испуганных друид,
И темноглазый поводырь со мной спускался в ад.
Но смерть отрицала меня, не впавшего во грех,
И по Великому Пути прошел я дальше всех.*

Р. Говард, «Вознаграждение»

*– Он должен нас видеть, – сказал Конан. – Но почему не нападает?
Он легко может пройти через это окно.*

*– Он нас не видит, – ответил жрец. – Он охраняет дверь, к которой
ведут узкие ступени. Его изображение передается через систему зеркал.
Видите эти медные трубки?*

*Мурило стало ясно, что жрец опередил свое время на века. Конан
же просто счел все это магией, и даже не попытался понять что-либо
из объяснений Набонидуца.*

Р. Говард, «Полный дом негодяев»

Пролог

- Кто? – спросил шаман.
- Мальчик, – ответили ему.
- Буду, – кивнул шаман. – Скоро.

Он сел на пол пещеры, влажный от каменной испарины. Набедренная повязка шамана сразу промокла и отяжелела. Родичи новорожденного ждали, еле слышно вздыхая. Время шло, и шаман начал двигаться. Взяв руками левую ногу, он поднял ее вверх, словно кот, собравшийся вылизать яйца, а потом, согнув в колене, заложил себе за шею. То же самое шаман проделал с правой ногой. Скрестившись на уровне щиколоток, босые стопы торчали по обе стороны затылка на манер куцых крылышек. Пальцами ног шаман непрерывно шевелил, усиливая сходство с крыльями. Руки он свел перед грудью, тыльными сторонами ладоней друг к другу. Не человек – бутон диковинного цветка, растущего в крошечной тьме, под массивами Шаннурана – шаман замер каменным идолом.

Лишь трепетали пальцы ног.

Молодой отец смотрел на шамана с завистью. Лечебные позы, именуемые «грезами Сатт-Шеола», давались ему с трудом. С самого детства а'шури были обречены на ежедневное повторение *грез*, и тем беднягам, кого судьба обделила гибкостью, приходилось тратить куда больше времени на простые позы, чем их удачливым соплеменникам – на сложные. Каждый раз, мучая тело, вопящее от боли, молодой отец говорил себе, что лучше сдохнуть. Он знал, что лжет. Он видел, как умирают дураки, отказавшиеся *грезить*. Легко свести счеты с жизнью, прыгнув в пропасть. Быстро убивают хищные жабы в колодцах Йо-Шенн. Неплохо упасть на нож: так, чтоб клинок пронзил сердце. Но прожить три счастливых дня без *грез*, и затем в течение месяца корчиться от адских метаморфоз, растекаться слизистой лужей, которая в конце концов уйдет, впитается в черные известняки, откуда душа мертвеца станет вечно взывать к живым а'шури...

Детей водили глядеть на кончину безумцев.

Чтобы знали.

Шаман вернул ноги на пол. Опершись ладонями о шершавую поверхность, он резким махом забросил ноги назад. Свел лодыжки над влажным полом, устроил затылок на этом импровизированном изголовье. Руками шаман обхватил бедра, сцепил пальцы на пояснице – и вновь застыл без движения. Лишь сновал узкий, темный язык, облизывая губы в странном ритме, да затылок мерно ударял о пятку левой ноги. Не человек – дитя в колыбели из собственной плоти, урод шаннуранских недр – шаман ждал и прислушивался.

Дед младенца, хнычущего далеко отсюда, в галереях Сорги-Тхо, смотрел на шамана с грустью. Младше на добрый десяток лет, дед знал, что очень скоро не сумеет *грезить* в достаточной степени. Возраст грыз суставы и скручивал узлами сухожилия. Возраст наливал в мышцы жгучей кислотности. Дед старался изо всех сил, сражаясь не столько за лишний день жизни, сколько за возможность избежать мучений. Если а'шури уделял должное внимание «грезам Сатт-Шеола», в старости он получал награду: право сесть спиной к сталагмиту и окаменеть. Говорят, это даже приятно. Во всяком случае, мертвые пращуры улыбались. Дед сам видел, как они улыбаются, и рассчитывал обзавестись такой же улыбкой в ближайшее время.

– Возьмите, – сказал шаман. – Там.

И кивком указал: где.

Мрак, царивший в пещере, не был помехой зрению а'шури. Дядя новорожденного – безбородый юноша – прошел под гирляндой натёчных сосулук, наклонился и поднял горсть мелкого щебня. Протянул шаману, молча спрашивая: что дальше?

– Выбери, – велел шаман.

– Два, – сказал дядя. – Знаю.

– Дурак, – ответил шаман. – Все знают.

– Два, – рассердился дядя. – Мальчик.

– Дурак, – повторил шаман. – Отряд вернулся?

– Нет.

– Третий сын с ними?

– И пятый.

– Хорошо. Ждите.

Мужчины не поняли, кого им ждать: возвращения отряда, посланного наверх за Вдовьей долей, или шамана? Но спросить побоялись. Сопели, топтались, чесались в паху. Дураки, думал шаман, продолжая *грезить*. Мои дураки. Родные дураки. Кто я без них? Пустое место, бессмыслица. Шамана беспокоила судьба отряда. Двое сыновей, вылизанных Черной Вдовой – это, конечно, радует. Быстрые, сильные, в боевых браслетах, приемыши Вдовы были ловкими убийцами и бдительными охранниками. Но ходить в набег год от года доводилось все дальше. Деревни вокруг Шаннурана пустовали; чтобы взять пленников, надо было карабкаться на скалы, ночами пробираясь в селения диких горцев – или идти лигу за лигой, мучаясь головной болью и рискуя нарваться на конный разъезд.

Люди полагают, мы боимся солнца, думал шаман. Тоже дураки. Чужие дураки. При чем тут солнце? Сев обычным образом, он вытянул и широко раздвинул ноги. Наклонился вперед, ткнувшись лбом в пол; прежде чем развести руки в стороны, подsunул их под колени. Дыхание Шаннурана текло сквозь шамана. Уловив неприятную задержку, он стал похлопывать ладонями по полу. Дыхание выровнялось, вернув шаману ощущение цельности. Един с Шаннураном, с чувствами и страстями Хозяев, которыми здесь был пропитан каждый камень, он знал, что младенец в безопасности, и мог позволить себе миг передышки.

Глубоководные рыбы, думал шаман. Никогда в жизни он не видел моря. Глубина была для него колодцами, пропастями и лавовыми туннелями. Вода – подземными реками и озерами, укрытыми от солнечных лучей. Из рыб шаман знал лишь слепых, чешуйчатых тварей с хвостами, похожими на серпы, да голавлей, изредка заплывавших в пещеры – переждать зим-

ние холода. Мелкие рачки и лягушки – не в счет. Но чувства Хозяев служили ему воздухом и водой, пищей и светом, а для Хозяев чувства являлись знаниями и источником перемен. Обучен наставником, шаман умел укрощать это кипение и превращать смутное колыхание чувств в нужные сведения. Глубоководные рыбы, думал он. Это мы, а'шури. Когда мы всплываем из каменных пучин Шаннурана, где веками живем под давлением Хозяйских страстей – в разреженном воздухе свободы нас разрывает в клочья. Надо торопиться. Надо успеть взять Вдовью долю и вернуться на глубину, прежде чем сердце взорвется, как вонючий, пахнущий тухлыми яйцами туман, скопившийся в заброшенной шахте. Не волнуйся, старик. Отряд возвратится с пленниками, ты проведешь обряд вызова, и Вдова избрет себе пищу, а может, и сыновей. Вылизет их в сухой темноте камер, и бойцов станет больше. Успокойся, старик, и не надейся, что еще при твоей жизни Черная Вдова вылизет не бойца, каких много, а истинного *шури'аша* — надежду племени. Однажды это случится, ибо так завещали предки. Но к тому времени ты сольешься со стенами лабиринтов, окаменев, и Хозяева примут твою жалкую душу...

Двадцать лет назад, шепнула память. Забыл? Вдова любила мальчишку превыше остальных. Она делила свое драгоценное присутствие на двоих: древнего наглеца, одного из тех бездельников, кого внешние люди зовут магами – и испуганного звереныша, который быстро научился бояться. Ты чуял Вдовью любовь, ты спал в обнимку с надеждой, и что же? Они сбежали, наглец и щенок, и третий, вор с острым мечом; сбежали и унесли сокровище, предназначенное для истинного *шури'аша*. Ты сжег надежду на костре разочарования, а твой собственный сын, твой любимец, кого ты готовил в приемники, сошел с ума и объявил *шури'ашем* себя, нарушив вековой запрет. Сегодня, закончив с новорожденным, ты наведишь сына – и сможешь вдоволь поговорить с ним о запретах, надежде и глупостях. Ты готов, ничтожество?

– Все, – сказал шаман. – Идем.

* * *

Мальчишка орал, как резаный.

Ребенок посинел от холода, крепко сжав крошечные кулачки. Дрыгая ножками, он надрылся из последних сил: требовал еды, тепла, ласки. Еще он требовал постоянства формы, но не знал об этом. Вокруг гранитного, грубо тесаного стола, на котором вопил младенец, сгрудились женщины. Те, кто постарше, прекрасно помнили, что еще ни одно дитя не умерло в ожидании прихода шамана. Они переглядывались и улыбались. Юная мать и ее сверстницы тряслись от страха. Роженице казалось, что время, обернувшись змеей, заглатывает малыша. Она обхватила себя руками – тесно-тесно – и из сдавленных грудей по капле сочилось густое молоко.

Губы шевелились, моля Хозяев о милости.

Галерея, где жил род, была просторной. Свод здесь круто опускался, открывая углубления странной формы – горожанин сказал бы, что они похожи на храмовые колокола. По краям углублений вниз свисала сталактитовая бахрома. Желтоватые, с восковым отливом, гребни расчесывали зябкий, пронизанный сыростью воздух, ловя на лету крупницы света – и прятали до поры в мерцающей сердцевине. За века в галерее натекли целые колоннады, разделив пространство на отдельные залы. В соседнем зале пол был испещрен естественными впадинами с водой. Темная, маслянистая жидкость неприятно колыхалась от сквозняка. Казалось, на дне беспокоится плотоядный моллюск, чуя поживу. Стена над ближайшей впадиной на десять локтей вверх заросла снежно-белым ковром кораллитовых цветов.

– Дай! – велел шаман.

Не глядя, он протянул руку – и дядя новорожденного вложил в ладонь пару камешков. Шаман придирчиво осмотрел добычу. Первый камешек устроил его полностью, второй пришлось обстучать плоским обушком ножа. Крошка, отслаиваясь под ударами, сыпалась под ноги

шаману. Мелкие, размером с сухую горошину, камни сошли бы за пещерный жемчуг, будь они другого цвета. Шаман подул на «горох», затем бросил камешки в рот, тщательно облизал и выплюнул обратно на ладонь. Встав над ребенком, он долго молчал. Умолк и мальчик – он сорвал голос, и лишь всхлипывал время от времени.

Крепкий парень, оценил шаман. И мать не из доходяг. Выкормит. Дети у а'шури рождались реже, чем хотелось бы; жизнь каждого была в большой цене.

Изучая ребенка, шаман видел намеки на первые метаморфозы. Еле заметно, неуловимо для взгляда, если тебя не учили примечать такие изменения, руки и ноги ребенка становились то длиннее, то короче. Сплюснулся лоб, чтобы миг спустя вернуться к прежнему виду. В пупке пробилась кисточка волос, дрогнула – и втянулась обратно. Чувствительность новорожденного к эманациям Хозяев, какими полнился Шаннуран от горных пиков до бездн, где кипела магма и плясали демоны, была велика. Еще недавно единый с матерью, спасавшей плод в своей утробе, мальчик впервые сделался открыт для древних страстей, как самостоятельное существо – и тело младенца страдало. Не в силах сделать выбор – естественный для Хозяев, не имевших постоянной формы, но запретный для человека – ребенок ждал спасения или смерти.

«Все, – решил шаман. – Пора!»

Прижав камешки мизинцем и безымянным пальцем к центру ладони, большим и указательным он ухватил ребенка за левый сосок. Малыш пискнул. Быстрым движением ножа шаман отхватил сосок, смахнув сизый кусочек плоти на пол, и уронил в ранку один из камешков. То же самое он проделал и с правым соском. На груди новорожденного образовались две кровавые лужицы. Впрочем, крови натекло мало. Камни, закупорив раны, уже пустили корни. Темные, блестящие нити, тоньше волоса и проворней хорька, впились во влажную плоть. Края отверстий сомкнулись вокруг новых сосков, делая часть Шаннурана – частью маленького а'шури. С девочками было сложнее: соски требовались будущим матерям для кормления детей, и шаман обходился одним камешком, находя для него иное, заветное местечко.

Дитя причмокнуло губами, и крепкий сон сморил ребенка.

Еще с минуту шаман вглядывался в малыша. Да, наконец уверился он. Метаморфозы прекратились. Теперь, если мальчик – юноша, мужчина, старик – станет уделять должное внимание «грезам Сатт-Шеола», он проживет долгую и счастливую жизнь. Тело его будет меняться сообразно закону взросления, а позже – старения. Иные законы, убийственные для людей, не обретут власти над а'шури.

«Просто камни, – говорил наставник, повторяя это по тысяче раз. – Из-под ног. Никогда – рубины, сапфиры, изумруды. Никогда! Иначе ты убьешь ребенка.»

Просто камни, кивал шаман: глупый, молодой.

«Мы живем на глубине. Мы плаваем в чувствах Хозяев, несущих изменения. Обычный камешек спасет дитя. Драгоценный – убьет. Младенец не выдержит напора страстей, текущих через рубин или алмаз. Наверное, вне Шаннурана такое возможно. Там влияние Хозяев рассеяно в пространстве; здесь – собрано в тугой комок. Только *шури'аи*, полностью вылизанный Черной Вдовой, способен принять в себя драгоценность, вплоть до величайшей, и остаться в живых. *Шури'аи*, второй раз родившийся в Шаннуране, вскормленный млечным соком...»

Да, кивал шаман.

Он кивал и сейчас, в такт воспоминаниям, не замечая этого. Руки занимались привычным делом: мяли тельце спящего малыша, гнули конечности в суставах. На первых порах ребенку придется *грезить* с помощью родителей. Мать и отец знают, что делать; судя по младенцу, с ним не будет много хлопот. Чужой сын вырастет сильным и здоровым. Чужой... Мой сын, думал шаман. Мой гордый, мой безумный; мой несчастный сын. Уж лучше бы ты сорвался в пропасть. За двадцать лет я бы оплакал тебя – мертвого – и, пожалуй, смирился бы. Почему ты еще жив? Сегодня я навещу тебя, и мы поговорим обо всем. Ты ждешь старика-отца? Хотелось бы верить, что ждешь.

– Можно? – спросил дед новорожденного.

Шаман очнулся. Ноздри будоражил запах грибной браги. У стены дышала жаром гряда мелко наколотого угля. Над ней булькал, закипая, котел с водой. Две старухи бросали в кипяток слизней, вымоченных в крепком рассоле, и коренья шель-травы. Рядом ждала гряда мелких, заранее очищенных рачков – таких сетями ловили в подземных озерах. Женщины помоложе, ловко орудуя ножами, чистили и потрошили живородков. Чешуя веером разлеталась во все стороны. Перемигиваясь с красавицами, юноши возились со связками летучих мышей – жаркое из крылатых визгунов на вкус напоминало мясо серой белки. Летом молодежь поднималась за белками наверх, в леса на склонах, но зимой приходилось довольствоваться мышами.

Остальные а'шури переминались с ноги на ногу, ожидая, когда им разрешат приступить к пиршеству.

– Можно, – сказал шаман.

* * *

Рука скользнула в щель между камнями. Пальцы нащупали рычаг, сжали, потянули вверх. С тихим скрежетом плита, заслонявшая вход, ушла в сторону. Предки были мудры и мастеровиты: их механизмы действовали до сих пор. А'шури без зазрения совести пользовались наследством пращуров – тех, кто давным-давно спустился под землю, чтобы окунуться в дыхание Хозяев. Утратив знания, потомки сохранили навыки. Не спеша войти в камеру, шаман глубоко вдохнул. Мускус и тлен. О да, мускус змей и тлен вечности. От этого запаха у него кружилась голова.

Он шагнул вперед.

В подгорных лабиринтах имелось около трех дюжин камер, где Черная Вдова вылизывала и вскармливала сыновей. Большая часть из них пустовала. Сейчас были заняты шесть темниц. Пятеро детей из внешнего мира тряслись от страха, ожидая прихода Вдовы; шестой привык и ждал с нетерпением. Из них получатся хорошие сыновья, думал шаман. Крепкие, злые; преданные. Из шестого – лучший. Жаль, в походах они гибнут чаще, чем хотелось бы.

Сделав еще один шаг, он сел на пол и скрестил ноги.

Двадцать лет, напомнил шаман себе. Двадцать лет назад мальчишка, сидевший в этой камере, сбежал. Первый случай побега из Шаннурана, первый и последний. С тех пор в камеру перестали сажать избранных Вдовы, но темница не пустует. Ты хорошо знаешь, старик, что она заселена. Ты отдал бы жизнь – твою никчемную жизнь! – лишь бы этого не случилось.

– Я здесь, – сказал он.

Ответа не последовало; впрочем, как всегда.

– Мальчик, – сказал он. – Родился.

Тишина.

– Здоровый. Радость.

Радость, согласился мускус. Здоровый, шепнул тлен.

Глазам не требовалось света. Шаман и так прекрасно различал фигуру, сидящую напротив, у дальней стены. Выше, под потолком, зиял чернотой лаз, сквозь который в камеру приходила Вдова. Оттуда шел теплый, слегка затхлый воздух. Вопреки обычным путям тепла и холода, этот удивительный ветер опускался на плечи человеку у стены, окутывая его колеблющейся мантией. Казалось, что человек движется, дышит, меняет позу.

Шаман знал, что это неправда.

Его сын сидел здесь два десятка лет. Сразу после побега, когда один из сыновей Вдовы был убит возле юго-западного выхода из лабиринтов, а другой – невылизанный – сбежал вместе с вором, укравшим величайшую драгоценность, сын шамана сказал: «Хватит!» Что хватит, спросил шаман. «Хватит ждать!» Мы ждем *шури'аша*, напомнил шаман. Таков завет предков.

«Я – *шури'аи!*» – сказал сын. Ты дурак, ответил шаман. Дерзкий дурак. «Я – *шури'аи!*» – повторил сын. Шаман решил, что это временное помрачение, и ошибся. Есть ошибки, которых ты не простишь себе до конца дней. Потому что сын спустился на пятый ярус, в сокровищницы, оставшиеся от предков, и нашел драгоценность. Не величайшую: просто очень крупный изумруд. Еще он отыскал камень с острым краем. Щербатый кремь распорол сыну лоб, на три пальца выше переносицы, и безумец вложил изумруд в рану. Наверху, вне Шаннурана, ничего ужасного не случилось бы. У внешних людей такая рана оставила бы уродливый, звездчатый шрам, а может, загноилась бы, и пришлось бы промывать ее вином и отваром трав. Наверху – да, но не в толще шаннуранских гор, где жизнь с избытком пропитана страстями Хозяев.

Изумруд врос.

Сын кричал три дня. Он видел картины, сжигающие мозг, слышал требования, смысла которых не понимал, вспоминал события, каким не было места в памяти а'шури. На четвертый день он снова взялся за кремь. Кровь лилась по его лицу, пока крошащееся лезвие выковыривало «третий глаз» – зеленый, хищный. Когда же изумруд выпал, оставив во лбу багровый, запекшийся цветок из лоскутов кожи, погасли и два сыновних глаза, данные безумцу при рождении. Окостенел язык, утратив способность к осмысленной речи. Все, на что хватило несчастного – заползти в камеру, где раньше томился юный беглец, сесть у стены и ждать смерти.

– Двадцать лет, – сказал шаман.

Да, молча согласился ложный *шури'аи*.

– Смерть. Ты ждешь ее двадцать лет.

Из лаза послышался далекий шорох.

– Ты жив. Почему?

Не знаю, без слов ответил сын.

– Еда. Питье. Сон.

Что это, спросил ложный *шури'аи*. Я забыл.

– Почему ты жив?!

Жив, повторил сын. Что это? Я забыл.

– Ты *грезил*?

Шаман знал, что нет. Этот разговор, когда один спрашивал, а второй молчал, повторялся всякий раз, год за годом. Зачем ты ходишь сюда, спросил шаман самого себя. И дал ответ: я надеюсь, что найду его мертвым. Не мумией, которая живет вопреки здравому смыслу, а честным мертвецом. Трупом, лужей, впитавшейся в известняки; частью стены. Тогда я успокоюсь.

– Она вылизывает тебя?

Не скажу, молчал сын.

Шаман вспомнил, как бесновалась Вдова после побега. Шаннуран содрогался от ее гнева. А'шури попрятались в укромнейшие из залов и галерей; кое-кто выбежал наружу, боясь, что горы рухнут и станут им гробницей. Нет, обошлось. Вдова успокоилась, и все вернулось на прежние, давно известные пути. Разве что Черная Вдова стала реже избирать пленников в пищу, и чаще – в сыновья. Впрочем, приемные сыновья умирали чаще обычного, не выдержав вскармливания и вылизывания. Гонясь за количеством, Вдова останавливала свой выбор на тех, кто был годен лишь отчасти. Шаман иногда думал, что бедняги скорее решились бы стать Вдовым обедом, чем Вдовьей долей...

– Что? – громко спросил он.

– Отряд, – доложили из коридора. – Вернулся.

– Пленники?

– Восемь.

– Хорошо.

Я вернусь, шепнул он сыну. Родится мальчик, и я вернусь.

Жди.

...призрачный, зеленоватый свет. Клыки сталактитов и сталагмитов. Губчатая плесень на стенах зала. Перламутровое облако над головами собравшихся. Пленники у алтаря. Волынки в руках а'шури.

– Х'орбар фузган!

– А'шур ниган!

– Х'орбар фузган!

– А'шур ниган!..

Все, как обычно, думал шаман, ожидая явления Черной Вдовы. В недрах гор, под толщей земли и громадой камня, нет ничего нового. Есть ли новое снаружи, под солнцем и луной? Иногда ему хотелось вернуться в камеру, сесть рядом с сыном – и больше не вставать.

Мускус и тлен.

О да, мускус и тлен.

Глава первая

Да здравствует король!

1.

– Улитка! Лентяй-слизень!

Мечи скрещивались с оглушительным звоном. Две стальные полосы, два орудия убийства; символы мужества. Снопы синих искр были почти не видны на фоне снега, ярко блестящего под лучами солнца. В центре двора снег утоптали до твердости льда. Подошвы сапог скользили, бойцам приходилось туго. В любой миг кто-то мог упасть, и уж тут пощады не жди!

Стойка железной двери.

Стойка сорочьего хвоста.

Пауза, и бойцы вновь сорвались с мест.

– Хромой мерин! Шевели копытами...

«Дурачок, – улыбнулся Ринальдо. Стоя на балконе, он любовался сыном. – Весь в деда. Бранится, насакивает... Нет, чтоб побережь дыхание! Я в его годы был рассудительней. Впрочем, я с детства предпочитал мечу пыль свитков и яд сплетен. Еще шесть-семь лет, и мальчишка зарубит меня, не вспотев. Нельзя дать ему повод. Повод и возможность...»

– Мерин!

«Надеюсь, он провозится не один год, прежде чем отправит меня к праотцам. Честный поединок? Нечестный поединок? Нет, малыш. Я заставлю тебя придумать что-то пооригинальней...»

– Н-на!

Двуручный меч принца Альберта изобразил в воздухе крест. Меч ковали для ребенка, прошлой весной. За это время принц вытянулся, раздался в плечах. Взрослый мужчина без труда справился бы с таким мечом и одной рукой. Но для юного принца, чьи щеки еще не знали прикосновения бритвенного лезвия, оружие тоже стало чрезмерно легким. Клинок свистел, ища брешь в чужой обороне. Альберт прыгал кошкой, припадал к земле, стараясь достать колени противника; буря и натиск, и уверенность в собственном бессмертии...

– Трус! Гуннар, ты трус!

Гуннар ди Шоxt, в прошлом – капитан королевской гвардии, сносил оскорбления с равнодушием скалы над морем. Волны могут сколько угодно яриться вниз. Они могут даже плевать, окатывая утес пенными брызгами. Рано или поздно волны откатятся назад, зеленея от бессильной ярости. Скала же проводит их каменным взглядом, не снизойдя к глупцам. Хмурое, иссеченное морщинами лицо Гуннара оставалось бледным. Для румянца, багрового, как закат над Чес-Дерри, старому гвардейцу требовалось нечто большее, чем изворотливость наследника трона. Лишь шрам на щеке налился кровью, став похож на дождевого червя.

– Ястреб, – дрогнули сухие губы. – Рвет клювом, хлещет крыльями...

– Получай!

– Ястреб, – повторил Гуннар, отступая.

– Вот тебе!

– Кричи, – согласился Гуннар. – Это правильно...

– Сдавайся!

– Кричи на круговых ударах. Не кричи все время...

– Мой принц! Ты забыл добавить: «мой принц»!

– Ты убит, мой принц...

Три раза шагнул Гуннар ди Шохт. Трижды сделал длинный выпад, действуя мечом, как копьем. Загнав принца в сугроб на краю площадки, он отошел назад, сделав вид, что колеблется – и прыгнул с места, завершая атаку четвертым, быстрым, словно молния, уколом. Тупой конец меча с силой ударил Альберта в грудь, защищенную стальным зеркалом поверх кожного дублета на стеганой подкладке. Звон, вопль, и его высочество скрылся в сугробе, проломив спиной намерзшую за ночь корку.

– Это случайно! Давай еще раз!

– Давай, – кивнул Гуннар.

– Если бы я был в доспехе...

Гуннар оскорбительно хмыкнул.

«Великий Митра! – король плотнее закутался в плащ, чувствуя, как дрожь бежит вниз по хребту. – Благодарю за милость! Мой сын здоров. Мой сын упражняется с мечом. Не безногий калека – ловкий, сильный мальчишка. Он вырастет настоящим мужчиной, похожим на деда. Я буду радоваться на земле, глядя на него. Буду радоваться на небесах, когда ему повезет справиться со мной. Сивилла, залог нашей удачи – сегодня ты уедешь в Гендау...»

Ринальдо уже выбрал замок для пожизненного заточения сивиллы. Непрístupная глухомань – вот наилучшее описание горных краев Гендау. Преданный болван – вот наиточнейшая характеристика Клемента ди Гендау. Графский титул – предел его мечтаний. Сделавшись графом, он будет беречь сивиллу, свою молодую супругу, как зеницу ока. А главное, не станет задавать лишних вопросов.

«Я бы оставил ее здесь, в Тер-Тесете. Держал бы под рукой, на крайний случай. Но это невозможно. Пойдут разговоры, ее сочтут моей фавориткой... Ссылка – лучший выбор. Счастлива ли она? Наверняка. Сестра в бедной обители, позже – беглянка, чудом избежавшая смерти. И вот – в скором будущем, графиня Гендау. Да она ноги мне целовать должна! Я дам ей приданое из казны. Осыплю пряниками, временами напоминая про кнут...»

Ринальдо вспомнил, как умирал его отец, Фернандес Великолепный. Неужели сивилла сумела бы спасти короля? Справилась бы с ядом? На покои нисходит темнота, отливающая янтарем, и отравы превращается в воду, а смерть – в призрак, тающий на пороге. Ринальдо снова принц, Фернандес по-прежнему король... Внизу бушует пир, горланят шуты и пьяницы. Из отцовской памяти – ломоть пирога! – изъят жалкий кусок: сутки, или меньше. Фернандес не помнит, что сын посягнул на него, что заговор увенчался успехом. И надо опять искать способ, да такой, чтобы ни один янтарь в мире, ни одна сивилла не вернула бы отца к жизни!

«Она едет в Гендау. Иначе я не совладаю с искушением...»

– Держись!

Принц Альберт теснил Гуннара. Нанося круговые удары по голове, один за другим, он заставил противника отступить, после чего с торжествующим кличем прорвался вплотную, норовя резануть гвардейца по локтю. Ловко подставив клинок, Гуннар высвободил левую руку, схватил принца за шиворот и вернул в сугроб. На сей раз наследник обошелся без воплей. Вскочив, весь в белой, искрящейся пороше, Альберт обманул Гуннара угрозой справа – и поразил бы отставного капитана в плечо, когда б не козни природы. Мальчик поскользнулся, нога проехала дальше, чем хотелось, и меч зацепил Гуннара на излете. Старый вояка отмахнулся с такой силой, что Альберт выпустил оружие из рук – и плашмя огрел его высочество по спине.

– Это нечестно!

– Да.

– Это подло!

– Да.

– Тут скользко...

– Разумеется. Велеть, чтоб присыпали песком?

– Ты должен был...

– Ты убит, мой принц.

Мальчик умолк, закусив губу. Посмотрел на балкон, где смеялся его отец.

– Ты прав, Гуннар, – сказал Альберт. Кровь бросилась принцу в лицо, глаза подозрительно заблестели. Так блестят слезы; так блестит сталь обнаженного клинка. – Тут скользко, и я убит. Я больше не буду обзывать тебя трусом и улиткой.

– Будешь, – возразил честный Гуннар.

– Нет!

– Да. Трусом, улиткой и мерином. Но теперь ты будешь это делать все реже.

Слепив снежок, принц откусил от него, как от яблока.

– Пусть так, – согласился он. – Давай еще раз?

2.

– Зачем звал? – спросил Вазак.

Амброз не ответил.

Толстяк-некромант втянул голову в плечи, исподлобья уставился на море. Он грубил, и рисковал, и знал это. Чайки над свинцом воды кричали: берегись! Волны плескались у берега: придержи язык! Сосны взбегали вверх по склону: прочь отсюда... Высилась в сотне шагов отсюда, ближе к мысу, Амброзова башня. Намекала, от фундамента до черепичной крыши: тебя, жирный, в дом не зовут. С тобой на ветру парой слов перекинутся, и ладно.

– Зачем звал, спрашиваю?

Амброз молчал.

На горизонте клубились тучи. Бледно-синие, как кожа бродяги, окоченевшего в чистом поле, тучи ворочались, громоздились одна на другую. У туч сегодня шел гон, свадьба, свальный грех. Глядя на них, Вазак вспомнил лицо Амброза в хрустальном шаре. Хрусталь с утра капризничал, превращая королевского мага в гостя из пекла. Назначая встречу, Амброз был непривычно краток. Часто облизывал губы, моргал; дергал подбородком, словно у него затекла шея. «Нет! – с опозданием понял Вазак. – Он не назначал встречу! Он *договаривался* о встрече...» Холодный пот прошиб некроманта. Толстяк плотнее надвинул шапку, чувствуя, как клочья меха щекочут брови и уши. Поверить в слабость надменного, острого на язык Амброза Держидерево? Проще было поверить в тайный умысел. Будь вежлив, приказал себе Вазак. Будь сдержан.

Будь...

Вазак знал: ничего не получится. Полнолуние, демон его заешь. Сегодня ночью. В такое время он, как ни старался, не умел держать себя в руках. Талел всегда злил его в полнолуние, а потом наказывал самым строгим образом.

– Просто так, – сказал Амброз. – Что, не веришь?

– Нет.

– Разумно. Я бы на твоём месте тоже не поверил. Вот скажи мне, дружище Вазак... Нас в Тер-Тесете было трое. Я, ты, Красотка. Сейчас нас осталось двое. Почему мы встречались так редко? И раньше, и теперь... Почему только по делу?

Вазак хрипло расхохотался. Смех вороньим граем метался над берегом, пугая чаек. Слезы текли из кабаньих, заплывших глазок толстяка. Щеки налились темным багрянцем, в горле что-то клокотало. Казалось, некроманта вот-вот хватит удар.

Амброз ждал. Сунув в рот варган, он указательным пальцем дергал язычок инструмента. Гнусавый напев вторил хохоту некроманта. Впору было поверить, что ученик Н'Ганги Шутника и ученик Талела Черного творят над морем странные чары, вызывая к свету исчадь ада.

– Ты – королевский маг, – отсмеявшись, сказал Вазак. – Ты ни в чем не нуждаешься. Наконец, ты сильнее меня. Продолжать, или лучше не надо? Мне бы не хотелось испытывать твое терпение.

– Почему? – Амброз оставил варган в покое.

– Ты храбрец, а я трус. Да, я, Вазак Жирный, повелитель гробов – трус.

– Даже трус кусается, если его загнать в угол.

– Предпочитаю иметь пространство для маневра. Я трус, но не дурак. Ты удивлен моим признанием? Так это не тайна...

– Продолжай, – кивнул Амброз.

– Ты красив, тебя любят женщины. Я похож на квашню с тестом. Мои женщины мертвы, они не любят, а покорствуют. Ты владеешь собой, как гвардеец – мечом. Меня снедают страсти, которых мне не укротить. Короли ценят тебя. Мною пользуются при необходимости. Когда

необходимость проходит, меня брезгливо отбрасывают. Ты – предмет зависти. Я – мишень для стрел презрения. Ты еще не устал от моей исповеди?

– Я благодарен тебе. Продолжай.

Толстяк с изумлением смотрел на собеседника. Он не узнавал королевского мага. Начнись весенняя гроза, зацвети черемуха, превратись галька в золотые монеты – все это было бы естественней, чем поведение Амброза. Чем-то королевский маг напоминал мертвеца, поднятого меньше часа назад. Такие *дрейгуры* еще не поняли, что мертвы. Им кажется, что они живы, просто больны – и они прислушиваются к себе, словно люди, впервые узнавшие, что хворь уже отмерила им срок. О да, восставший мертвец поначалу схож с тяжелобольным: во всем ищет признаки болезни, находит их или изобретает; в любую минуту он – не здесь, не до конца, потому что судьба крадется на мягких лапах, и надо услышать первым, обернуться на звук...

– Я все сказал, – буркнул Вазак. – Все, что хотел, и ничего нового.

– Ты жалеешь о своей откровенности?

– Да.

– Не жалею. В сущности, ты ответил на мой вопрос. Мы, маги, встречаемся только по делу. Кузнец сидит с кузнецом за кружкой пива, и болтает о бабах. Скорняк со скорняком ловят рыбу по выходным. Солдат с солдатом играют в кости. Две кумушки ворошат грязное белье соседей. И только мы, знатоки рун, мастера метаморфоз, кудесники и чародеи... Ревность. Соперничество. Страх. Зависть. Злорадство. Обида. В результате – только по делу, и никак иначе. Почему, Вазак?

Толстяк пожал плечами:

– Так устроен мир.

– Я объявил Дни Наследования. Все, кто сочтет нужным, соберутся у башни Красотки. Думаешь, нас будет много?

– Я приду.

– Я тоже. Симон уже там. Уверен, явится и Талел. Кто еще? Десять человек, приятель. В лучшем случае, дюжина. Вряд ли больше. Почему?

– Остальным наплевать. Что ценного может быть у покойницы Инес?

– Умерла одна из нас – наплевать. Уважить мертвую – наплевать, и растереть. Только ценности – польза, и хватит. Если ценностей нет, большинство и пальцем не пошевелит. Тебе не кажется, что мы уроды? Говорят, у поэтов то же самое...

– Не знаю. Я не поэт.

– Ладно, оставим. Поговорим о чем-нибудь веселом. Ты помнишь труп Красотки?

– О да! – мимо воли вскрикнул некромант.

Вот это был прежний, знакомый Амброс. Заморочить голову, отвлечь пустым, лживым разговором – и вдруг прыгнуть волком из чащи, вцепиться клыками в глотку. Задать внезапный, болезненный вопрос – удар под ложечку! – и с мечтательной улыбкой глядеть, как собеседник станет выкручиваться. Пытаясь вернуть самообладание, Вазак глядел на клубящиеся тучи, похожие на грозди сизого винограда, и видел изменения Инес ди Сальваре, хладного тела в зимней могиле. Толстяка била дрожь, в паху все налилось. «Страсти, которых мне не укротить,» – с горечью вспомнил он. И в сотый раз пожалел о дне, когда пришел к башне Талела Черного, просясь в ученики.

«Скорняки ловят рыбу по выходным. Солдаты играют в кости...»

– Ты знаешь заклинания, способные причинить такой вред? – Амброс подошел ближе, взял некроманта за плечо. – Метаморфозы тела, при жизни и после смерти? Без смысла, изменения ради изменений?

– А ты?

– Я не знаю, – спокойно ответил королевский маг.

– Ты, Амброс Держдидерево? Ученик Н'Ганги Шутника?

– Да, я. Понятия не имею. Я даже не представлял, что такое возможно. Единственное сравнение, которое приходит мне на ум – вода. Она принимает любую форму. Заклочи ее в самый замысловатый сосуд, набери в горсть, рассей брызгами... Но плоть – не вода. Умом я в силах представить тело, способное к быстрым, а главное, сиюминутным метаморфозам. Но на практике... Так знаешь, или нет?

– Нет, – Вазак мотнул головой.

Шапка сползла ему на глаза. Поправляя ее, толстяк обратил внимание, что Амброз пришел на встречу с лошадей. С детской лошадкой-качалкой, выточенной из липы. Маленькая, для годовалого ребенка, игрушка стояла в трех шагах от магов. Бокон она прижималась к узловатому стволу арчи, в тени вечнозеленой, курчавой кроны. Резчик постарался на славу – лошадка вышла, как настоящая. Равийский аргамак, дитя беспечных табунов; вот-вот ринется наперегонки с ветром.

Спросить, зачем Амброзу нужна липовая лошадь, некромант постеснялся.

– А Талел, твой учитель? Он знает?

– Спроси у Талела.

– Боишься?

– Да, – с ледяным спокойствием ответил Вазак. – Я боюсь рассуждать о том, чего знает, а чего не знает мой учитель Талел. Я боюсь отвлекать учителя пустой болтовней. Поэтому я жив до сих пор. И могу забавлять тебя на морском берегу. Зачем ты звал меня? Посетовать, что мы редко видимся? Предаться воспоминаниям о мертвой Красотке?

– Поговорить. О разных разностях, не завидуя и не прицениваясь. Так, словно завтра конец света, и все потеряло смысл. Представь, что в конце недели ты умрешь...

– Не хочу.

– И все же представь. Подобные мысли отлично проветривают голову.

Вазак отшатнулся:

– Это угроза?

– Прости меня, друг мой, – Амброз развел руками. – Я выбрал неудачный пример. Представь, что в конце недели умру я. Так тебе больше нравится? Мой срок отмерен, и мне хочется напоследок заняться пустяками. Все серьезные дела утратили смысл, а пустяки, знаешь ли, вечны. Помнишь ли ты свое ученичество у Талела?

– Лучше, чем хотелось бы, – буркнул толстяк.

– Я тоже помню годы, проведенные при храме Шамбеже. Я был молод, а молодость – пора страстей. Каким образом Талел *будил сердца* учеников? Не сомневаюсь, что Черный знал множество оригинальных способов...

– Не твое дело.

Вазак отвернулся. Толстяк боялся, что лицо выдаст его. Иногда он полагал, что оригинальные способы Талела превращали сердца учеников в козий сыр – ноздреватый, пористый, текущий мутной слезой. Тот сыр, чей запах – удовольствие для знатоков, и вонь для большинства. Искусник Талел был неутомим, орудуя страхом и ужасом, ужасом и страхом. Могилы, откуда неся тихий шепот. Мертвецы, желающие тебя. Крысы с лицами родных и близких. Ласки, от которых выворачивало наизнанку. Пытки, которых ждешь, как праздника. И наступала ночь откровения, когда ученики начинали путать страх с доверием, а ужас с блаженством. Все в мире теряло краски, кроме извращений, обернувшихся счастьем. Фундаментом они ложились под заново возведенную башню души ученика. Ты становился некромантом, и обратного пути уже не было.

– Не твое дело, – повторил Вазак.

– А вот я все помню до мелочей, – улыбнулся Амброз. – И не смущаюсь говорить об этом вслух. Нганга обращался со мной, как с деревом. Ломал ветки, сдирал кору. Мучил жаждой. Строгал, пилил, рубил топором. Копошился древоточцем в стволе. Долбил клювом дупло

за дуплом. Червем грыз мои корни. Не было воспоминания, куда бы не вгрызся Шутник! Он причинял мне боль, и требовал, чтобы я творил чары. «Запоминай! – говорил Н'Ганга. – Запоминай руны и заклинания, пассы и имена! Но в первую очередь запоминай боль и избавление от боли. Восторг, любовь, ненависть. Чувства, которые в тебе. Без них не существует чар...» Знаешь, что он сказал мне однажды?

– Что?

– Вся наша магия – чувственная, сказал он. Это страсть, а может ли страсть быть разумной? Заклинания и пассы – для мага это лишь инструмент. Способ восстановить в душе сложный, уникальный сплав чувств, который в итоге рождает волшебство. Пережить его заново, и сотворить чудо. Магия – искусство выстроить требовательный всплеск души. А все остальное делает кто-то другой...

– Чистая правда, – мимо воли подтвердил Вазак.

– Пробовал ли ты колдовать *всухую*, без чувственной подкладки?

– Да.

– И как?

– Никак. Слова и знаки теряют власть. Проще носить воду в решете. Но стоит мне вернуть мертвеца к жизни...

– Мертвеца?

– Я говорю о чувствах, испытанных мной в дни ученичества. О чувствах, которые сопровождали мой первый опыт пробуждения трупа, или разверзания могилы...

Толстяк содрогнулся. Так содрогается любовник, изливая семя; так дрожит смертник на эшафоте.

– Мертвец восстает в моем сердце, – подвел итог Вазак. – И каждый пасс вновь наливается силой. Помню, Талел водил нас смотреть мистерии храма Митры. Великого бога представлял Дантон XIV, наследник знаменитой актерской династии. Талел сказал, что все Дантоны вот уже который век свято блюдут канон. Их Митры – идентичны. Костюм, движения; тембр и тон. Паузы, жесты. Количество шагов, сделанных навстречу публике. Это бессмертие, сказал Талел Черный. Копируя форму, Дантоны год за годом пробуждают в себе те чувства, которые испытал Дантон I, воплощая божество. Всякий раз музыка их сердец в точности совпадает с исходным оригиналом. Маги и площадные фигляры – родные братья. Учитесь, пока не поздно. «Так что же? – спросили мы, ученики. – Выходит, руны и заклинания на деле не нужны?» Нужны, ответил Талел, и, клянусь, звук его голоса на миг прервался. Наши знания необходимы, но не достаточны. Без чувств они – ничто. Пустое сотрясение воздуха...

Маги замолчали.

Внизу тяжело колыхалось море. Вверху набухал влагой купол неба. Два человека стояли между небом и морем. «Мы, маги, встречаемся только по делу, – звучало в их молчании, заглушая шум волн. – Ревность. Зависть. Обида. Почему?» Оба знали, что сейчас они разойдутся в разные стороны, и все станет, как раньше. Если небо и море постоянны, отчего же нам ломать устоявшиеся правила?

И все-таки...

– Ты изменился, Амброз, – сказал Вазак. – Ты очень изменился.

– Да, – кивнул Амброз. – И это меня не радует.

– У меня тоже есть вопрос к тебе. Позволишь?

– Спрашивай.

– Ты хочешь, чтобы я сообщал Талелу о наших встречах. Передавал твои слова. Докладывал обо всем. Почему?

– Твой учитель – негодяй, – спокойно ответил королевский маг. – Предатель и интриган. Он способен на любую подлость. Такова его природа, и не мне судить Талела. При этом он мудр и рассудителен. Он умеет впитывать и сопоставлять. Я не повернусь к нему спиной, но

я доверю ему делать выводы. А главное, Талел Черный – маг до мозга костей. Если он узнает, что магии, которая в нас, грозит опасность... Пожалуй, он единственный, кто станет действовать со всей необходимой жестокостью. Остальные погрязнут в распрях, спорах и взаимной неприязни. Спрячут головы в песок, отложат решение на потом. Талел – оружие. Я хочу, чтобы оружие было острым.

– Я передам это своему учителю.

– Обязательно передай. И не забудь сказать, что я считаю его подлецом. Это сильно облегчит нам будущее сотрудничество. Всегда хорошо, если двое почтенных чародеев верно оценивают друг друга.

– Я ничего не забуду.

– Вот и славно...

Дождавшись, когда Вазак уйдет, Амброз подошел к деревянной лошадке. Присел на корточки, положил руку на гриву, сделанную из вьющихся стружек. Прикрыл глаза, беззвучно шепча что-то на странном, шуршащем языке. Игрушка вздрогнула, закачалась вперед-назад. Медленно, с напряжением Амброз вставал, и следом за ним росла лошадь. Тугие мышцы играли под лоснящейся кожей. Ударило в землю точеное копыто. Раздулись ноздри, моргнул темно-лиловый глаз. Равийский аргамак фыркал, готов лететь на край света. Лишь ладонь мага, сросшаяся с гипподендритом – кошмаром конокрадов – тысячей тонких, как волосы, корешков удерживала скакуна на месте.

Шуршание, в котором с трудом угадывались слова, прекратилось.

– В путь!

Одним прыжком Амброз оказался на спине гипподендрита. Конь заржал, вставая на дыбы, и вскоре берег моря опустел.

3.

– Осторожней, госпожа...

Опираясь на руку гвардейца, Эльза выбралась из саней. В дороге ее разморило; сон до сих пор, что называется, висел на кончиках ресниц. Закутав ноги в медвежью полость, сунув нос в пушистый ворот шубки, сивилла задремала, едва сани выехали из городских ворот. Сейчас она безуспешно пыталась вспомнить: что же ей приснилось? Натан с земным диском на плечах? Принц Альберт, обреченный до скончания веков гнаться за рыжей лисой? Король-канатоходец, идущий по струне безумия?

– Сейчас, госпожа. Прошу вас обождать.

Вечер спускался с небес на белых крыльях. Сумерки лизали мир, как льдинку. Скрылась из вида деревня, мигая редкими огнями. Растаял тракт, весь, без остатка. Чахлые яблоньки утонули в разлитых чернилах. Подмораживало, иней звезд блестел над головой.

– Скоро все будет готово для вашего ночлега...

Харчевня стояла на краю деревни, в ста шагах от поворота дороги. Только что в дверь нырнули пятеро гвардейцев, и в харчевне закипел погром. Первыми на двор вылетели двое лесорубов, так и не успев согреться горячим пивом. У того, что постарше, был разбит, а может, сломан нос, и ярко-красная кровь текла ручьем, заливая бедняге усы и бороду. Следом выполз на карачках голый до пояса забулдыга, разбуженный пинками. Он мотал головой, словно мерин, которого донимает мошकारа, и кашлял, сплевывая на снег желто-зеленую мокроту. Пьяница успел добраться до коновязи, когда из харчевни рысцой выбежал, держась за ухо, сельский староста – и с разбегу споткнулся об несчастного, рухнув ему на спину. Сыпля проклятиями, оба возились в сугробе; куча мала вскоре пополнилась новыми людьми. Плюясь зубами, моргая подбитым глазом, хромя и кособочась, все старались убраться подальше от гвардейских кулаков – падали, вставали, ползли...

Из дверей махнули: чисто, мол.

– Прошу вас, госпожа...

Это сон, подумала Эльза. Вот это настоящий, доподлинный сон. Людей выкидывают на мороз ради моего удобства. Бедняг, желавших всего лишь скоротать вечерок, гонят прочь от теплого очага, чтобы я могла без помех отдохнуть под крышей. Пожелай я, и их прирезали бы мне в угоду. Я бы шла по трупам к новой жизни. В собольей шубке, в капоре, отороченном чернобуркой; в мягких сапожках. Ваше величество, благодарю за щедрость!

– В-ва...

Сопровождающий Эльзу гвардеец, не говоря ни слова, ударил с носка. Пьяница вернулся в сугроб, где и замер без движения.

– Зачем? – спросила Эльза.

Гвардеец пожал плечами. Наверное, он улыбался, но под маской это было незаметно.

В харчевне уже заново накрывали столы. Хозяин, дрожа от страха, тащил кувшины с медом и вином. Две бабы, молодая и старая – должно быть, жена и дочь хозяина – собирали в мешок битую посуду. Черепки терлись друг о друга с костяным звуком. Вонь и дым ели глаза. Эльза зажмурилась, плача от рези под веками. Сильные пальцы гвардейца взяли ее за локоть.

– Идите спокойно, госпожа.

Во тьме и слезах, Эльза сделала пять шагов. Шесть. Семь...

– Садитесь, прошу вас.

Она села, уверенная, что упадет на пол. Нет, скамья. Застеленная чем-то мягким. Запах вина, сдобренного чабрецом и душицей. Запах жареной свинины. Запах мужчины: кожа, сталь, войлок. Звуки: бряканье металла, топот сапог, вздохи женщин. Стук зубов хозяина.

– Пейте вино. Согреемся...

– Мне жарко.

– Хотите снять шубу?

Сбросив верхнюю одежду, Эльза приняла в руки кружку. Сделала глоток; поморщилась – кислое, жиденькое вино вязало рот. Похоже, гвардеец уловил ее недовольство. Кружка сменилась другой, побольше. Сивилла отхлебнула: мед. Крепкий, сладкий, горячий. Слишком крепкий. Голова закружилась; боясь свалиться со скамьи, Эльза открыла глаза. Напротив сидел гвардеец. Черную маску он стащил вниз, на грудь. Лицо и личина с одинаковым беспокойством вглядывались в сивиллу. Хорош, равнодушно оценила Эльза. Вряд ли записной сердцеед, но хорош. Она не понимала, как в сложившейся ситуации ее хватает давать оценки конвоирам. Чувства притупились, биение жизни рассудок воспринимал глухо, словно из-за скорлупы.

– Вам лучше без маски, – сказала она.

Гвардеец засмеялся, встопорщив узкую полоску усов.

– Вы правы. Скоро я сброшу маску навсегда.

– Вы уходите в отставку?

– Из-за вас.

– Шутите?

– Ничуть. Позвольте представиться: Клемент ди Гендау. Вашей милостью, и монаршей волей – граф ди Гендау. Ваш будущий супруг, госпожа.

– Не называйте меня госпожой, – попросила Эльза.

И вздрогнула: супруг? Мой муж пред людьми и небом? Тюремщик, для которого я раздвину ноги?! Вряд ли он придет ко мне в глухом, темно-зеленом балахоне, с дыркой в причинном месте. Я рожу ему детей. Я буду вышивать на пяльцах. Буду слушать щегла, запертого в клетке. Я никогда не покину замка, если за мной не пошлет король. Темница? О такой темнице женщины тщетно молят богов. В сущности, та же обитель. С одной, ничтожной разницей: здесь я проживу жизнь не человеком, а залогом. Залогом графского титула, залогом благополучия династии...

– Как мне звать вас? – растерянный, удивился Клемент.

Глуп, поняла Эльза. Предан, глуп, честен.

– Не знаю.

– Женой? Нет, рано. Вашей милостью?

– Вы сошли с ума!

– Вы правы. Проснуться графом – от такого можно тронуться. Проснуться женихом красавицы, к которой благоволит его величество...

– Красавицы? – Эльза указала на струп, коростой покрывший щеку.

– Да, – твердо сказал Клемент. – Я разбираюсь в ранах. Это сойдет, поверьте мне. Через неделю, или раньше. Потом – мази, притирания... Весной, глядя в зеркало, вы и не вспомните об этой дряни. Я куплю вам тысячу украшений. Вашу янтарную диадему вы со смехом выбросите в канаву. Дешевые побрякушки не к лицу графине ди Гендау...

– Никогда, – Эльза наклонилась вперед. Пальцы ее вцепились в край столешницы, побелев от напряжения. – Никогда не говорите такого. Слышите? И не прикасайтесь к моей диадеме. Ни днем, ни ночью. Даже если вам покажется, что я крепко сплю, и ничего не замечу. Даже если я буду валяться без сознания. Даже если я стану умолять вас об этом. Вы поняли меня, граф?

Будущий муж выпрямился. Глаза его сверкнули гневом. Раздулись нервные, тонко очерченные ноздри. У виска задержалась синяя жилка. Отец, и тот не говорил с Клементом ди Гендау подобным тоном. Мужчина уже лежал бы с кинжалом между ребер. Но женщина, слабая женщина; и слова короля: «...ответишь головами всей твоей семьи...»

– Вы забываетесь, – голос Клемента заледенел. От учтивости не осталось и следа. – И потом, что будет, если я нарушу ваш запрет?

– Я перегрызу вам глотку.

– Что?

– Вы не ослышались. Если вы снимете с меня диадему, добром или силой, я перегрызу вам глотку. Или вам придется убить меня.

– Это угроза?

– Я не угрожаю, и не лгу. Примите это, как судьбу, и не задавайте лишних вопросов.

Челюсть графа отвисла. Кажется, лишь сейчас Клемент начал понимать, что у подарков есть обратная сторона. Припав к своей кружке, он осушил ее залпом. Утер рот тыльной стороной ладони, сдвинул шапку с затылка на лоб. Мальчишка, вздохнула Эльза. Светлая Иштар! Доведись мне выбирать из двух мальчишек, я предпочла бы графу ди Гендау изменника Танни. И вовсе не потому, что влюблена. Танни носил бы меня на руках, но и граф выглядит крепким малым. Танни делился бы со мной последней коркой хлеба, но и граф не оставит свою жену голодной. Любовь? Выгода? Нет, просто сама возможность выбора – редкое счастье...

– Вы утомлены дорогой, – нашел выход Клемент. Морщины на его лице разгладились, во взгляде читалось понимание. – Вы хотите спать. Я велю отвести вас в самую чистую, самую просторную комнату. Завтра утром мы снова тронемся в путь. Путь до Гендау долог. Вы должны отдохнуть...

Он зевнул во весь рот.

– Отдохнуть, да...

Еще один зевок. Прекрасные зубы, отметила Эльза. Белые, крепкие. Вопреки словам Клемента, ей совершенно не хотелось спать. Зато граф маялся зевотой, рискуя вывихнуть себе челюсть. «Спать... – бормотал он между зевками. – А-а-у... спать...» Изумлена, чтобы не сказать, испугана, Эльза смотрела, как голова будущего мужа клонится все ниже. Глаза Клемента заволоч туман. Обмякли широкие плечи. Миг, другой, и граф ди Гендау, ударившись лбом о край стола, захрапел что есть мочи.

– Что с вами?

Эльза зря ждала ответа. Она рискнула потормозить Клемента, но добилась лишь того, что граф вскинулся, рывкнул: «По коням!» – и упал обратно. Храп дюжины глоток был ему ответом. Казалось, на тайном языке гвардейцев призыв «По коням!» означал пожелание «Спокойной ночи!». Чувствуя, как ноги делаются тряпичными, сивилла огляделась. Харчевня превратилась в сонное царство. Спали гвардейцы за столами. Спали бабы на полу. Спал хозяин на пороге кухни. Время от времени спящие шевелились, и тогда Эльзе мерещилось, что из досок пола, от грубо сколоченных столешниц, из сучков и волокон древесины к людям тянутся тончайшие, еле заметные нити.

Темно, подумала она. Сальные свечи против ночного мрака, и битва проиграна. Здесь темно, тени морочат меня; я вижу то, чего нет. Я – маленькая девочка, мне страшно. Вернулось детство: дряхлая бабка Тильда, гомон детворы, сказка про злую чародейку. Злюка усыпила целое королевство, от советников до поварят. Повалившись там, где застало их колдовство, люди ждали, пока в их земли наведается влюбленный принц – и разбудит поцелуем юную королевну. Я не сплю, напомнила себе Эльза. Зачем меня будить? Светлая Иштар, спаси и сохрани; сейчас явится принц, поцелует меня – и все проснутся, а я засну навеки, до скончания времен...

Она едва не закричала, когда открылась дверь. В харчевню ворвался холодный ветер. Закружил, принохиваясь – легавый пес зимы. И стих в испуге, кинулся под ноги хозяину – человеку, которого Эльза помнила.

– Все хорошо, – сказал Амброз, королевский маг. – Вы верите мне?

– Нет, – призналась Эльза.

– Напрасно. Позже вы поблагодарите меня...

Он прошел к столу Эльзы, сел рядом с Клементом ди Гендау. Вздыхнув, толчком сбросил графа со скамьи. Не просыпаясь, тот упал под стол и захрапел вдвое громче. В груди и горле Клемента играл целый оркестр: взвизги, свист, клочкотание.

– И так каждую ночь, – сказал Амброз. – Представляете? Он лежит рядом с вами, пьяный, горячий. От него несет вином и чесноком. В Гендау едят чеснок круглые сутки. Он храпит, а вы маетесь до утра. Встаете измученная, вас ломает, глаза красные... И весь день ждете: придет за вами король или нет? Глядите вдаль со стены: да или нет? Сидите в нужном месте и ждете. Носите ребенка и ждете... Вы знаете, что Ринальдо – безумец?

– Да, – кивнула Эльза. – Я его боюсь.

– Я тоже.

– Вы?!

– Это вас удивляет? Да, я маг. Если говорить без лишней скромности, маг не из последних. Я еще не стар. Но я давно перестал быть юношей, который довольствуется сквозняком на обед и обещаниями на ужин. Я люблю удобства. Я согласен оказывать услуги королям, получая за это умеренную плату. И не желаю исполнять прихоти сумасброда, срывать по первому его зову, зная, что в гневе он прикажет сжечь меня на площади...

– Вас? – усомнилась Эльза.

– Я в состоянии усыпить малый отряд гвардейцев. Но будь их здесь, к примеру, сотня... С сотней я не справлюсь. Ударьте мага булавой по темени, и вы не отличите чародея от метельщика. Опять же, мир полон доброжелателей. Всегда найдется кто-нибудь из друзей-волшебников, желающих занять мое тепленькое место. Он поможет солдатам взять честного Амброза за кадык. И обеспечит достаточно жаркий костер, чтобы я превратился в дым. Дерево отлично горит, дитя...

Последние слова Эльза не расслышала. Ее потрянул озноб, знакомый и опасный. В смутном облаке, что окутало сидящего напротив мага, возникли янтарные отблески. В них таилась беда, но Эльза видела, что беда – чужая. В них таилось спасение, но Эльза чувала, что спасение – двусмысленное. Фигура Амброза колебалась, очертания множились. Маг принимал самые невообразимые формы, как если бы тело его взбесилось, решая на ходу, кто оно: птица? зверь? урод? Чудовище?! И еще – ноготь. Эльза отчетливо видела мужскую руку – вроде бы Амбровову – и ноготь на мизинце, длинный и черный по краю.

Она моргнула, и видение исчезло.

– Хватит обо мне, – решительно сказал маг. – Я желаю вам добра, дитя. Хотите, верьте, хотите, нет, но это так. Я – Амброз Держидерево. Мои силы велики, я знаю исток их, и знаю предел. Ваши силы...

Он указал на лоб Эльзы, а может, на диадему.

– Знаете ли вы их исток?

– Нет, – вздохнула Эльза.

– Предел?

– Нет.

– Вы ими владеете, или они вами?

– Они – мной. И даже не владеют, а вертят, как щепку в водовороте.

– Король пошлет за вами, и скоро. Ринальдо не из терпеливых. Он станет требовать от вас чудес. Если в один малопрекрасный день вы не удовлетворите его требований, или чудо покажется его величеству не вполне желаемым... Был случай, когда фаворитка случайно укусила Ринальдо, тогда еще принца, за губу. Кстати, не в первый раз. Говорят, раньше это ему нравилось. И вдруг разонравилось. Ее зашили в мешок с десятком голодных крыс. При дворе шептались, что девушке повезло. Ее предшественнице в горло впустили ядовитую змею.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Чтобы вы ясно понимали, что вас ждет. И ушли со мной доброй волей, без принуждения. Да, я не рыцарь на белом коне. Я – чародей на гипподендрите. Но мне жаль вас, дитя, и я не стану требовать от вас чудес. Я всего лишь спрячу вас в надежном месте...

– Одна тюрьма взамен другой?

Маг хотел что-то ответить, но Эльза не позволила. Качнувшись вперед, она рассмеялась Амброзу в лицо:

– И вы меня еще уговариваете? Да я кричу ночью, вспоминая его величество! Я боюсь обмочиться, когда он снится мне! Выстройте мне золотой дворец, дайте в мужья самого Митру – я сменяю дворец на лачугу, а Митру на погонщика мулов, лишь бы никогда больше не встречаться с королем. Заберите меня отсюда! Сделайте так, чтобы король не нашел меня – и я с радостью сдохну у ваших ног...

– Тихо! – велел Амброз. – Замолчите!

Вскочив, он прислушался. В ночи ясно звучал топот множества копыт. Ближе, ближе... Раздосадован, Амброз ударил кулаком в стол.

– Сейчас я разбужу их, – он обвел жестом харчевню, где вповалку спали жертвы его магии. – Вы не увидите меня, дитя. Но отриньте страх. Я буду рядом, я все время буду рядом. При первом же удобном случае я вытащу вас из этой ловушки. Поверьте мне хотя бы потому, что я не бескорыстен.

Помолчав, он с неохотой закончил:

– Надеюсь, однажды вы оплатите мне тем же. Выпейте меда!

– Что?

– Пейте мед! Быстрее!

Подчиняясь, Эльза сделала глоток. Голова закружилась так, будто она осушила кружку до дна. В глазах потемнело, а когда зрение снова вернулось к сивилле, Амброз исчез. Вокруг шумно просыпались гвардейцы. Стоял на коленях хозяин, тычась лбом в косяк. Грудами тряпья ворочались у очага бабы. Выбрался из-под стола граф ди Гендау, сжал ладонями виски, бранясь шепотом. Будущую жену он не замечал, целиком поглощен болью, разлившейся в мозг.

– Господин граф!

Дверь распахнулась. В харчевню влетел гонец в ало-зеленой одежде. За его спиной в ночи ржали кони и перекрикивались солдаты.

– Хвала Митре, успел!

– В чем дело? – хриплым спросонья голосом каркнул Клемент.

– Именем его величества! Король повелевает вам вернуться в Тер-Тесет...

– На ночь глядя? – изумился граф.

Гонец выпрямился и гаркнул что есть мочи:

– Без промедления!

4.

Факелы в ночи.

Эй, эй, кто мчится в вихре снега? Шпоры терзают бока усталых, лишенных отдыха лошадей. Позади остались ясли с охапкой сена. Впереди – ночь, тьма, смерть. Вот пал один конь, выбросив седока в сугроб. Вот храпит, качаясь, другой. Пена закипает на губах, судорожно вздымаются бока. В последний миг гвардеец успевает спрыгнуть из седла на землю. Бредет пешком, прочь от четвероногой падали: вперед! вперед...

– Не останавливаться!

Визжат полозья. Так визжит девка под насильником. Сани на поворотах грозят опрокинуться. Бежит следом поземка, завивается льняной куделью. Небо ясное, луна полная – моргает желтым, кошачьим глазом, дивится. Куда? Зачем?! Кто в силах приказать человеку ринуться в ночь? Свистит ветер, рвет в клочья охристое пламя. Факельщики обогнали всех, маячат: здесь мы! Дорога укатана до стальной твердости. Осколки льда, намерзшего за вечер – брызгами из-под копыт.

– За мной!

Деревья на обочине. Голые, черные, растопырили ветви – не деревья, виселицы. Бросай веревку, вяжи петлю. Есть, где качаться, оставив приятелям земные заботы. Шустрый ельник взбежал на пригорок, укрылся белой косынкой. Шепчется: кто? что? Под мохнатыми лапами – волк. Тощий, ребра торчат. Смотрит вслед, зевает; скалит клыки.

– Не отставать!

Ужас грызет сердце Клементы ди Гендау. Свилась дорога в кольцо. В начале – графский титул. В конце – плаха. Жизнь за короля! Вряд ли Ринальдо III приказал верному Клементу скакать обратно, чтобы превратить графа в герцога. Не из тех молодой король. Играет? Как кот с мышью? Дал побегать, порадоваться внезапному счастью – и хватить когтистой лапой! За что, думает Клемент. Чем провинился, государь? Свернуть бы на проселок, удариться в бега по целине... Или плюнуть на монарший приказ? Продолжить путь домой, в горные края Гендау. Высок родной утес, крепок отцовский замок. Запереть ворота, выставить лучников на стены. Придет король, встанет осадой – что крикнешь ему, братец Клемент? Дал ты мне жену, твое переменчивое величество. Возвысил, обласкал. Радовался я, благодарил, руку целовал. А как решил низринуть от щедрот твоих, так я в мятежники подался. Титул от тебя взял, а меч палача – нет, не приму, уж прости дурака за откровенность. Такова честь моя, такова преданность...

– Вперед!

Ужас точит душу Эльзы Фриних. Разум тонет в догадках, задыхается. Где ты, друг-обморок? Медлит, смеется с издевкой. Жарко под медвежьей полостью, жарко в собольей шубке; жарко, страшно, безнадежно. Отбросить бы диадему во мрак, да так, чтобы в жизни не сыскать! Тони, янтарь-яйцо, в снегах... А самой – зверем, кошкой, вороной – в зимнюю темноту. Навсегда, без остаточка. И не вспомнить: кем была, кем стала. Мерзлым трупом под елкой, волчьей добычей в чаще; безумной нищенкой по селам... Так, чтобы в час смерти одно лишь тело боялось, дергалось, сучило ногами. А рассудок с его страхами останется за спиной, под полозьями саней.

Король станет требовать от меня чудес, думает Эльза. Так сказал маг. Если я не удовлетворю его прихоть, или чудо покажется его величеству сомнительным... Мешок с голодными крысами, сказал маг. Змея в глотку. Свернувшись в комочек, еле живая от тряски, Эльза Фриних молится о чуде. Знать бы еще, о каком...

– Не отставать!

А по бездорожью, где не пройти ни лошади, ни человеку, в броске копья от гвардии и саней, летит на бешеном гипподендрите Амброз Держидерево, и ужас пожирает королевского

мага заживо. Быстр липовый скакун. Стук его копыт – шорох листвы. Дыхание – шепот ветра в кустарнике. Путь – везде, где есть твердь и влага. Без звука, как корни растут, бьют копыта куда придется. Прожигают насквозь твердую корку наста. Остается за гипподендритом цепочка проталин-колодцев, и дышит оттуда черное, рыхлое, весеннее. Расступаются деревья, пропускают своего. Давно бы обогнал чудо-конь отряд Клементы ди Гендау, да седок не велит.

Горбится седок, губы кусает.

Это мнительность, думает Амброз. Я здоров. Я сам придумал беспощадную, злую болезнь. Из пальца высосал; вызвал, словно демона, из преисподней. Я прислушиваюсь к себе, как лютнист к инструменту. Присматриваюсь, как охотник к зарослям. Ищу беду там, где ее нет; ищу и нахожу. Убеждаю себя: все в порядке! – и хоть ночью, хоть днем мне мерещишься ты, Красотка. Кошмар плотских метаморфоз, при жизни и после смерти. Инес, я боюсь, что кончу тем же. У меня трясутся руки, когда я думаю об этом. Слышишь? Я разговариваю с тобой! Ответь мне: да или нет? Я больше не могу гадать и сомневаться...

Это оружие, думает Амброз. Оружие против нас, магов. Если все-таки да, и я обречен – это оружие. Кончина Красотки, мое бессилие, испытанное дважды... Ничтожества, жалкие людишки, сивилла и безродный служка – они сами не знают, что делают. И вот ученица Симона Пламенного превращается в бесформенный комок страданий. А ученик Н'Ганги Шутника ест себя поедом, обмирая от страха перед будущим. Если даже я приму это оружие в свои руки, завладею им – я могу не успеть. Знание требует времени... Много ли его у меня осталось? Великий Митра, это конец магии! Если есть иная магия, доступная кому угодно; иное волшебство, рядом с которым мы, чародеи, превращаемся в чудовищ...

Сто лет, думает Амброз. Хорошо, двести. И мы вымерем в мучениях, от вида которых обмочит штаны матерый палач. В могилах – и там мы не найдем покоя, извиваясь и трансформируясь. А мир захватит магия новая, бессмысленная. Ею станет управлять кухарка и плотник, шляха и мясник. О да, они будут помнить нашу смерть. Наш исход, наше проклятие. Их будет трясти от этих воспоминаний, они детям и внукам сто раз закажут идти в маги...

Кто мне поверит, думает Амброз. Братья по Высокому Искусству рассмеются мне в лицо. Я и сам бы еще вчера... Гордыня. Уверенность в своих силах. В том, что мы справимся с любой напастью. Как я сказал Вазаку? Ревность. Соперничество. Зависть. Злорадство. Обида. Так устроен мир, ответил он. Я потеряю уважение коллег, превращусь в изгоя. Еще бы! Признаться в слабости. Объявить себя мнительным трусом. Где доказательства, спросят они. И будут, в сущности, правы. Сперва я должен заполучить Око Митры и янтарную диадему, Циклопа и сивиллу. Выжать их досуха, как поломойка – тряпку. Узнать все, что можно; понять остальное...

Я боюсь, думает Амброз. Я боюсь не успеть.

Луна глядит на него с неба.

5.

– Чш-ш... не бойся, мой золотой...

Все повторяется, вздрогнула Эльза. Все повторяется, только на этот раз я умру. Стоя на пороге спальни принца, измученная дорогой и бессонницей, она еле держалась на ногах. Круг замкнулся, двери захлопнулись за спиной. Сивилле было жарко, как в пекле. Струйки пота, мерзко щекочась, текли по спине, вдоль хребта. У копчика они собирались в горячую лужицу. На висках, вцепившись когтями в обруч диадемы, сидели два дятла-невидимки. Птицы долбили без устали. От каждого удара Эльзу качало из стороны в сторону. Падай, советовали единороги на шпалерах. Ложись, скрипел шкаф-секретер в углу. Иди к нам, квакали кресла-жабы. Нет, ко мне, возражала кровать под балдахином.

К нам.

На кровати, забившись в угол, сидел король. Как есть, в камзоле, в сапогах; с кинжалом на поясе. Обеими руками он прижимал к себе сына. Ринальдо обхватил мальчика с такой силой, словно пытался закрыть собой от целой армии врагов. Лицо принца Альберта возвышалось над отцовским плечом. Синяки под глазами, взгляд затравленного зверя; черты заострились от усталости, как у покойника. Должно быть, объятия короля причиняли Альберту боль, но принц терпел. Он был жив-здоров, хотя измучен не меньше Эльзино. Можно было ставить медяк против сокровищ Махмуда Равийского, что этой ночью принц и сон ходили разными дорогами.

– Чш-ш... я спасу тебя, родной мой...

Принц шевельнул сухими губами, желая что-то сказать, и не смог. Хирургические инструменты успели убрать из спальни, но призраки их, казалось, остались тут навсегда. Сталь, лезвия, крючки – все, чем режут и расчлняют. Эльза чувствовала, как они впиваются в ее тело, душу, мозг. Это бред, беззвучно шептала она. Это кошмар. Сейчас он развеется...

– Где эта тварь? – заорал король. – Почему ее нет?!

– Я здесь, – шепнула Эльза, ни на миг не усомнившись, что речь идет о ней. – Я здесь, ваше величество... Вы послали за мной?

Кровать взвизгнула. Вихрем, отбросив сына на подушки, король слетел на пол – и кинулся к гостю. Кулак Ринальдо с сокрушительной силой ударил в косяк двери, рядом с головой сивиллы. Вскрапнув по-лошадиному, король облизал кровь с разбитых костяшек. От Ринальдо несло потом и безумием. Щеки в сизой щетине, губы искусаны, между зубами застряли волокна мяса – от королевской улыбки бросало в дрожь.

– Наше сокровище, – сказал король. – О, как мы счастливы...

И указал на принца:

– Объяснитесь!

– Я... я не понимаю, о чем вы... – начала было Эльза.

Пощечина швырнула ее на колени.

– Не понимаешь? – ласково спросил Ринальдо.

– Нет...

– Так взгляни и пойми!

На грани обморока, чувствуя, как из-под струпа, содранного монаршей дланью, сочится липкая жидкость, Эльза устала на принца. Мальчик корчился в забытьи. Оставленный отцом, он сразу заснул, и видел недоброе. Дар отказывал, видения медлили; Эльзе чудилось, что она бредет по болоту, до пояса в густой жиже...

...Рыжий росчерк на снегу. Петляй, глупая тварь! Обледенелый склон бросается навстречу. Копыто с хрустом проламывает наст, ныряет в скрытую под ним рытвину...

– Охота, – прохрипела Эльза. – Лисья охота.

– Неужели?

В голосе Ринальдо сквозила убийственная ирония.

– Охота, ваше величество. Как в прошлый раз.

– Как в прошлый раз...

Он плачет, с изумлением поняла Эльза. Не утирая слез, король опустился рядом с ней; сел на ковер, скрестив ноги. «Охота, – бормотал Ринальдо. – Будь она проклята, эта охота! И ты будь проклята, сокровище... Если наш мальчик обречен на проклятие, почему ты должна жить, как ни в чем не бывало?» Качнувшись вперед, он привалился лбом к Эльзину плечу, и сивилла, плохо соображая, что делает, обняла короля. Так мать обнимает плачущего ребенка.

– Вчера утром, – шепот Ринальдо жег сивиллу огнем. – Наш мальчик рубился с Гуннаром. Во дворе, на снегу. О, он был прекрасен! Было холодно, наш мальчик разгорячился... Я сам ел снежки в детстве. И ничего! После обеда у принца заболело горло. Начался слабый жар. Лекарки заверили нас, что это пустяки. Что в скором времени жар пройдет. Принца напоили горячим молоком с медом, уложили в постель. Жар усилился, и вдруг исчез. Наш мальчик выздоровел. Горло больше не болело... Ты рада, сокровище?

– Я счастлива, государь.

– Счастлива?

От толчка Эльза опрокинулась на спину. Ринальдо возвышался над ней: гневный, страшный. Ладонь закаменела на рукояти кинжала. Впору было поверить, что выздоровление сына, в одночасье избавившегося от простуды, является для короля величайшей горестью в мире.

– Боги, вы слышите? Митра, мощный владыка! И ты не поразишь ее молнией? Эта тварь счастлива! Светлая Иштар! Ты не покараешь ее проказой? Не набьешь червями ее нутро? Она счастлива, и дерзко заявляет нам об этом...

Клинок до середины выдвинулся из ножен.

– Король хотел видеть меня?

В дверях стоял Амброз. Лицо мага оставалось невозмутимым. Казалось, принц, вздрагивающий во сне, сивилла, трясущаяся от ужаса на полу, и его величество, схватившийся за кинжал, были самым обыкновенным зрелищем для Амброза Держидерево. Не знай Эльза, что маг проделал тот же путь, что и она, что зимняя ночь была его верной, холодной спутницей – сивилла поверила бы, что гонец явился в башню чародея, когда тот сладко спал в тепле и покое.

Она не знала, что маг – натянутая тетива. Что стрела готова отправиться в полет. Твердо уверенный, что король вызнал про его намерение похитить сивиллу, что приглашение во дворец – западня, где предателя ждут пытки и казнь, Амброз был готов к бою. Не всякие силки удержат мага, одержимого страстным, могучим желанием – любой ценой заполучить вождь-ленную добычу. Причину своей болезни, надежду на спасение – последнюю сивиллу Янтарного грота.

– Да, наш драгоценный Амброз. Мы посылали за тобой.

Сталь вернулась в ножны.

– Я готов служить моему королю.

– Что ж, послужи, – спокойствие вернулось к Ринальдо. От этого спокойствия хотелось бежать на край света. – Верой и правдой, да. Ты слышал, что наш сын заболел?

– Да, сир. Я также слышал, что болезнь не угрожает жизни его высочества. Воспаленное горло еще никого не убивало. Мальчишки простужаются сто раз за зиму...

– Воистину, ты кладезь мудрости. Ты ел снег в детстве?

– Нет, сир.

– Ты был благоразумен? Берег горло?

– Я провел детские годы в обучении у Н'Ганги Шутника. При храме веселого бога Шамбеже. В джунглях Ла-Ангри не бывает снега, сир. Зимой там идут дожди. Я бы сказал, ливни, сир.

– Дожди, – повторил король. – Закрой дверь, я не хочу, чтобы нас слышали. У дворцовых коридоров растут уши сверху донизу. Закрой, говорю!

Амброз подчинился. Пользуясь мигмом передышки, Эльза снова повернулась к принцу. В затылке ударили молоточки, боль в ободранной щеке усилилась. Станным образом это помогло сивилле сосредоточиться. Она даже услышала, как вдали, за холмами времени, трубят рога и лают собаки...

...Рыжий росчерк на снегу. Обледенелый склон бросается навстречу...

Ничего нового. Лисья охота, и все.

– Ты чувствуешь след магии? – спросил король.

– Нет, сир, – маг был краток.

– Подлой магии? – настаивал Ринальдо. В щель между неплотно задернутыми шторами сочилось утро, обволакивая короля слабым, жемчужно-серым сиянием. – Отвратительной? Направленной против нашего потомства? Против рода государей Тер-Тесета?!

– Нет, сир.

– Ты лжешь! О, Амброз! Если ты скрываешь правду от нас...

– Я честен перед вами, сир. Здесь нет и следа магии...

– Ложь!

– Возможно, если вы расскажете мне, что произошло...

– Мы расскажем, – выхватив кинжал, король что есть сил метнул его в стену. Пробив шпалеру, острие лязгнуло о камень. Кинжал повис рукоятью вниз, увязнув в плотной ткани. – О, мы расскажем все, как есть! Наш сын излечился от простуды. Слышишь, Амброз! Излечился! У него нет жара! Его горло больше не болит! Принц здоров, гори весь мир огнем!

– Это же прекрасно, сир?

– Да, но он собирается на охоту! На охоту, которая едва не лишила его ноги!

Забыв о маге и сивилле, Ринальдо бросился к кровати. Схватил сына в охапку, прижал к себе, бормоча: «Чш-ш... я спасу тебя...» Альберт продолжал спать. Сейчас его не вырвал бы из забытья и гром сражения. Мальчик лишь тихонько стонал, обмякнув в руках отца мокрой ветошью.

– Тихо, тихо... я с тобой...

Это не память, содрогнулась Эльза. Светлая Иштар, прости дуру! Я считала, что принц заплатил за ногу частицей памяти, и ошибалась. Не разум, но плоть! В миг опасности, когда телу угрожает очередная напасть, Альберт становится прежним, каким был перед отъездом на охоту, а значит, здоровым. Рана, горячка, простуда... Неужели принц обречен навеки остаться мальчишкой? Человек не может прожить жизнь без болезней, ран, телесных повреждений. Вывихнул стопу – вернулся в детство, собираешься на охоту. Подхватил лихорадку – вернулся в детство, собираешься на охоту. Маешься животом, переел жареной рыбы – детство, охота... Это не размен! Это бессмертие! Вечная жизнь, и трудно придумать что-нибудь хуже такой вечности.

– Что я натворила? – забывшись, вскрикнула сивилла. – Казните меня, ваше величество!

– Казнить? – переспросил Ринальдо.

Голос его пустил петуха и сорвался в хриплый бас, как у подростка, становящегося мужчиной. Опустив сына на подушки, король двинулся к сивилле. Он шел, словно по хрупкому льду, готовому проломиться в любой момент.

– Я с радостью лягу под топор палача...

– О нет, сокровище! Ты будешь жить. Ты спасешь нашего мальчика. Спасешь до конца сегодняшнего дня. А если нет... Ты будешь умолять о палаче. Рыдать кровавыми слезами, корчиться от желания умереть. Уж поверь мне, ты заплатишь с лихвой. Ты и твой янтарь...

Рука короля метнулась атакующей змеей. Схватив диадему, Ринальдо сорвал ее с головы сивиллы – и с силой безумца запустил в окно. Ударившись о шторы, диадема сползла на ковер. Кошачьим глазом моргнул янтарь. Расхохотавшись, король обернулся к Эльзе – и отступил на шаг, услышав клокочущее рычание.

На него смотрел зверь.

6.

Амброз опоздал.

Маг ждал чего угодно, но не этого. Он был готов противостоять королю, страже, другому чародею, нанятому для Амбровова ареста. И вот – ожидания вывернулись наизнанку. Даже в кошмаре, навеянном испарениями ада, он не смог бы представить кроткую сивиллу в облике дикой кошки. Посягни Ринальдо на честь или жизнь Эльзы, и сивилла – Амброз был уверен в ее слабости! – с покорностью овцы, бредущей под нож, приняла бы любое надругательство. Таким людям проще умереть, чем сопротивляться.

Но Ринальдо посягнул на янтарь.

С пола, броском, сделавшим бы честь горному барсу, Эльза прыгнула на грудь Ринальдо. Пальцы ее вцепились в ткань камзола, ноги кольцом обхватили талию молодого короля. Казалось, сивилла сгорает от страсти. Качнувшись под ее тяжестью, едва не упав, Ринальдо отступил на шаг. Рука короля шарилась у пояса, натываясь на колени и бедра женщины. Он искал кинжал, забыв, что минуту назад сам же и выбросил оружие. Там, где трактирный вышибала без колебаний ударил бы кулаком, сын Фернандеса Великолепного желал взяться за клинок, и это было последней ошибкой его величества. Эльза резко качнулась вперед, будто в поцелуе. Зубы ее впились в шею короля; мотая головой, сивилла вырвала кусок плоти. Яремная вена лопнула, ручьем хлынула кровь. Рыча, Эльза снова вгрызлась в глотку жертвы. Король упал на колени, запрокинулся назад, так, что хребет отозвался громким хрустом – и лег на бок, сжимая сивиллу в объятиях, как раньше сжимал сына.

Ковер под ними быстро пропитывался кровью.

– Отец!

Принц Альберт уже не спал. Что разбудило его? – рык Эльзы? Чутье на опасность? Так или иначе, потомок многих поколений воинов, он прямо с кровати бросился на сивиллу. Возможно, мальчик справился бы с женщиной, но со зверем он справиться не мог. Вслепую Эльза отмахнулась, ногти ее прочертили борозды на левой щеке принца, задев глаз. Альберт схватился за лицо – судя по всему, глаз был поврежден не на шутку. И рухнул рядом с отцом, потеряв сознание. Ринальдо содрогался в предсмертных конвульсиях – так идет на спад приступ падучей. Тело принца билась мелкая дрожь – так вибрирует струна. Оставаясь на месте, Амброз видел, что глубокие царапины затягиваются, возвращая щеке ребенка первозданный облик. Маг не сомневался, что и с глазом не случится беды. Проклятие янтаря действовало, восстанавливая принца по былому образцу.

Охота, понял Амброз. Придя в чувство, бедняга не вспомнит ничего, кроме того, что собирается на лисью охоту. Простуда, выздоровление, бессонная ночь, убийство отца – все покроет мгла забвения. Зато венценосный отец принца – о, Ринальдо лишился памяти навсегда, памяти и жизни...

На четвереньках, выпутавшись из хватки мертвеца, Эльза побежала к окну. Схватила диадему, довольно урча, лизнула медовое яйцо. Лицо ее, похожее на лицо людоеда в конце трапезы, исказила гримаса. Трясущимися руками сивилла надела украшение на голову; встала, шатаясь. Взгляд ее – разумный, кипящий от паники – уперся в Ринальдо, который лежал без движения, свернувшись в позе зародыша, в принца, откатывающегося все дальше в прошлое.

– Это я? – шевельнулся окровавленный рот.

И Амброз принял решение.

– Нет.

– Врете!

Сивилла беспрестанно облизывала губы, чмокала, прислушиваясь к ощущениям. Медный привкус говорил ей о том, во что Эльза не могла, не желала поверить.

– Это принц, – Амброз указал на мальчика. – Король сорвал с вас диадему, и вы утратили разум. Забились в угол, начали скулить. Ринальдо взбесился; думаю, он убил бы вас. Я хотел вмешаться, но принц успел первым. У парня доброе сердце... Он пытался оттащить отца, кричал что Ринальдо позорит весь их род. Король в бешенстве ударил сына, и его высочество не стерпел. Сил у мальчика не слишком много, зато зубы острее, чем у крысы. Сами видите...

– Ложь, – без уверенности повторила Эльза.

– Как угодно, – маг пожал плечами. – Можете принять вину на себя. Вас казнят, тем дело и кончится. Хотите умереть героиней?

– Я хочу спасти мальчика!

– Спаси? От чего? Кто тронет своего владыку? Какой суд отважится вынести приговор королю? Если вы забыли, в их роду испокон веку принят такой переход короны. Ни один человек в Тер-Тесете не удивится, узнав, что вчерашний принц стал Альбертом V, прикончив отца. Рановато? Об этом посудачат на улицах, и перестанут. Дитя, вы слишком наивны. Что полагается говорить в подобных случаях?

– Что?

Эльза была на краю обморока. Заранее *выпуская корни*, Амброз приблизился к отцу и сыну, мертвому и живому. Брезгливо, словно падаль, ткнул носком сапога в бок Ринальдо. Присев на корточки, взъерошил волосы бесчувственному принцу.

– Король умер! – сказал маг. – Да здравствует король!

Глава вторая Барьер крови

1.

«...многообразие их форм поражает и приводит в растерянность. Можно было бы предположить, что кописты слишком вольно обошлись с оригиналами, но и Дарио Серебрянка, и Донатас Костерук славятся скрупулезностью. В этом легко убедиться, глядя на другие их работы. Да я и сама видела часть оригиналов, и могу с уверенностью сказать...»

Сын Черной Вдовы впервые читал записи Красотки. Пока Инес была здорова, она охотно делилась с Циклопом плодами своих изысканий. Забиралась с ногами в любимое кресло, укрывалась пледом из верблюжьей шерсти, словно погружаясь в воды теплого моря, и начинала говорить. В памяти Циклопа всякий раз всплывал полустершийся образ матери. Как ни старался, он не мог вспомнить ее лица. Только ласковые руки, зыбкий, туманный абрис – и голос. В детстве мать по вечерам рассказывала им с сестрой сказки... То, о чем говорила Инес, тоже походило на сказку. Но если мать понимала даже маленькая Нитта, то смысл речений Красотки ускользал. Когда Инес заводила «ученые беседы» с гостями-чародеями – те глядели на хозяйку с изумлением, и не крутили пальцем у виска разве что из вежливости. Со временем, конечно, привыкали. Главное – идеальная настройка жезла. Умеет, однако! А завиральные идеи...

Пусть тешится.

Циклоп не пытался вникнуть и понять. Он слушал – и верил. Голос Красотки завораживал его, уносил в жутковатые дали – в эпоху, когда мир всецело принадлежал Ушедшим. Мы изменяем форму предметов снаружи, применяя силу, говорила Красотка. Жар горна, молот, мускулы кузнеца – и кусок железа превращается в меч. Вода или ветер вращают мельничный жернов, и зерно становится мукой. Руки пекаря делают из муки тесто; огонь печи превращает тесто в хлеб. Ушедшие действовали изнутри. Они изменяли саму суть вещей и существ, используя силы, которые мы зовем магией. Наша магия в сравнении с их искусством – огонек свечи рядом с проснувшимся вулканом...

Умаявшись за день, Циклоп засыпал на кушетке под речи Инес. Наутро Красотка при-творялась обиженной. Циклоп отшучивался: молодая, а ворчишь, как старуха. Знал бы ты, сколько мне лет, смеялась Инес. Ладно, так и быть. Натаскай воды в лохань – и будешь прощен.

Иногда же на Циклопа, напротив, накатывала похоть. С плотоядной улыбкой он подкрадывался к Красотке, увлекшейся выкладками, и нес ее в спальню. Надо же, смеялась Инес, обвивая его шею руками. Тебя возбуждают Ушедшие? Ты любишь чудовищ? Я люблю тебя, шептал Циклоп. Ты – мое чудовище. Извращенец! – возмущалась Инес, выворачиваясь из-под Циклопа и оказываясь сверху. Она любила – сверху, и не только в постели.

Потом у Красотки начались изменения, и обоим стало не до постельных утех. Пока могла, Инес продолжала изыскания. Как же она жалела, что не успела посетить Янтарный грот!

Я пойду туда, сказал Циклоп Симону, заворачивая тело Инес в покрывало. «Надеешься получить ответы?» – спросил Пламенный. Не знаю, пожал плечами Циклоп. Инес убили метаморфозы. Янтарный грот тоже меняет людей. Быть может...

Что влекло его в грот? Чувство вины? Жажда знаний? Или нечто, подобное зову, о котором он давно забыл? Зов Черной Вдовы с годами угас. Став Циклопом, Краш больше не стремился вернуться в Шаннуран. Черная Вдова являлась ему в снах молчаливой тенью.

«Когда умерла Красотка, я вновь ощутил знакомый порыв. Впрочем, теперь меня влекло не в Шаннуран. Неужели Инес заняла в моей душе место Черной Вдовы?! Направила в грот, до которого не успела добраться при жизни? Нет, это плод больного воображения. Инес умерла, мы сожгли ее тело. Янтарный грот перестал существовать, так и не раскрыв своих тайн. Янтарное яйцо утеряно вместе с последней сивиллой. А я – часть наследства Инес. Имущество, ходячая вещь. Впору удавиться, облегчив лежачим стервятникам-чародеям...»

Но в ушах Циклопа до сих пор звучали слова Симона:

«...либо Красотка все еще жива.»

Безумная, отчаянная надежда билась в словах мага птицей, угодившей в силки. В это невозможно было поверить. Циклоп видел, как тело Красотки обратилось в пепел: серый, легкий. Последняя метаморфоза Инес. Или все-таки не последняя?!

– Как? – хотел крикнуть Циклоп. – С чего ты взял?

Он промолчал. А Симон развел руками: «Не спрашивай!» – и, сгорбившись, вышел из комнаты. Провожая старца взглядом, Циклоп вспоминал перстень и кристалл. Перстень Газаль-руза шарахнул его синей молнией. Кристалл зазвучал в его руке, как звучал раньше в руках хозяйки.

Почему?!

«До утра я, как безумец, носился по этажам, хватая кристаллы, перстни, жезлы... Запрет был не властен надо мной! Бери, что хочешь. Слово я вдруг сделался хозяином имущества Инес. Неужели она все-таки успела написать завещание? И завещала все мне? Но почему завещание подействовало лишь сейчас, после сожжения тела?»

Циклопу чудилось: его голова пухнет, как во время лечения Симона. Набухают жилы, оплетающие Око Митры, кровь жаркой волной грохочет в висках. Череп готов лопнуть, извергнув наружу кипящее содержимое. Разгадка вертелась व्यуном, не даваясь в руки. Цветные кусочки смальты отказывались сложиться в мозаику. Янтарный грот. Метаморфозы. Ушедшие. Красотка говорила:

«Они изменяли саму суть вещей и существ...»

Библиотека встретила его запахом растрескавшейся кожи и пыли древних фолиантов. И еще – мускуса. Сын Черной Вдовы вздрогнул. Этот запах встретил его двадцать лет назад, когда он забрался в окно башни, мечтая завладеть Оком Митры. Несчастный, ты получил то, чего хотел. Помнишь, ты счел содержимое библиотеки хламом. Что скажешь сейчас?

– Скажу, что я был тупым болваном, – пробормотал Циклоп. – В моем возрасте поздно уметь. Но я попробую.

Футляры со свитками – сафьян, медь и дерево. Инкунабулы с бронзовыми скрепами, запертые хитроумными замками. Дюжина пухлых тетрадей в переплетах из телячьей кожи. Циклоп дотянулся до верхней тетради, сдул пыль. Переплет был приятным на ощупь. Он показался Циклопу теплым, живым.

Письменный стол стоял у окна. На столе – чернильный прибор из бронзы: колодезный сруб с воротом. К срубам, отдыхая, привалился старик с двумя ведрами. В колодце отсвечивали чернила, стариковские ведра были доверху наполнены песком для присыпки. За колодезем, рошицей диковинных деревьев, торчали гусиные перья. Колодезный ворот представлял собой хитроумный механизм для их очинки. Кажется, миг – и в библиотеку скользнет Красотка, без церемоний стонит Циклопа с любимого кресла, обмакнет перо в колодец...

За спиной скрипнула половица. Циклоп дернулся, едва не уронил тетрадь. Никого. Половицы разошлись, вот и скрипят, жалуясь на жизнь.

Вздохнув, он раскрыл тетрадь.

«...многообразие сбивало меня с толку. Я была уверена, что ряд рисунков изображал Ушедших. Но как вычленишь нужные, отсеивая изображения иных существ? Как разобраться в феерическом буйстве форм?»

Ответ подсказало мое собственное тело. Око Митры, Король Камней – несомненное наследие Ушедших. Под его воздействием мое тело начало меняться. Но разве могли Ушедшие, создавая Око, не учесть подобную опасность?

Ответ оказался прост. Как я не видела его раньше?! Метаморфозы плоти не являлись для них опасностью! Ушедшие не имели постоянного облика, изменяя тела по своему усмотрению! Для них это было так же естественно, как для нас – сменить шубу на плащ. Вот почему их изображения – разные! В поисках подтверждения своей догадки я заново пересмотрела коллекцию рисунков. Теперь я искала не различия, но сходство. Общий абрис, зачастую – единственный глаз, похожий на огромный кристалл... Не отсюда ли пошли легенды об гигантах-циклопах? Искаженная веками, людская молва придала «циклопам» человекоподобный облик. Природное свойство людей: очеловечивать чуждое. Это же свойство сыграло злую шутку и со мной. Пытаясь понять Ушедших, я мимо воли наделяла их нашими качествами и устремлениями...

Я отвлеклась. Иногда формального сходства отыскать не удавалось. Но даже в копиях древних рисунков чувствовался общий стержень, смысл которого я не в силах выразить словами. Это всё были существа единой расы! Увы, метаморфозы плоти, естественные и безболезненные для Ушедших, для нас – мучительны и губительны. Тело – наше проклятие и приговор. Я не знаю, сколько мне осталось...»

Белые языки поэмки за окном облизывали могильный холм. Зима заметала следы, но небо скупилось, швыряя вниз жалкие подачки – горсти снежной крупы. На темной земле оставались причудливые разводы: письма Ушедших, способные свести человека с ума.

«Я знаю, что убило Красотку, – размышлял Циклоп. – Однако новое знание не приближает меня к цели. Изменчивость природы Ушедших; древний артефакт, передавший Инес часть их свойств... Все это не объясняет, почему наследство Инес послушно мне. Быть может, ответ скрыт во мне самом? В Оке Митры, вросшем в мою плоть? Как заставить говорить проклятый камень? Я готов расколоть себе череп, если это даст ответ...»

Он не знал, как сумел излечить Симона в первый раз. Когда старец, едва живой, волоча каменеющую руку, заявился в башню Красотки – маг не узнал повзрослевшего мальчишку. Зато Краш-Циклоп на всю жизнь запомнил мага, вставшего между ним и демоном. Увидев Симона вновь, он страстно захотел помочь умирающему чародею. Тогда Око Митры ожило впервые.

«Я действовал по наитию. На опаляющем желании, на вере, не имеющей объяснений...»

Что еще? Перстни и жезлы, принесенные для настройки. Он очень хотел этому научиться – и ощутил вибрации, уловил диссонансы и сбои. А ведь у него никогда не было музыкального слуха! Еще – Янтарный грот. Медовые волны, разум мутится; из глубин естества исторгается вопль:

«Хватит! Прекрати!»

Желание? Снова – отчаянное желание. Крик души. Спасти Симона. Выучиться искусству Инес. Остановить напор требовательного янтаря... Чувство на грани иступления – и Око Митры откликается на зов?

Циклоп устался в окно, собираясь с мыслями.

«Чего я хочу? Вернуть Инес к жизни? Сделать так, чтобы проклятые маги оставили меня в покое? Ты, сукин сын – давай, захоти чего-нибудь! Так, чтобы разум не вступал в борьбу с чувствами. Не в силах? Шторм души разбивается о рассудочное осознание невозможности? И ты еще мечтал повелевать Оком Митры?! Ты, не способный совладать даже с самим собой?»

Свет за окном изменился. Крупа перестала сыпать, поэмка улеглась. Исчезли белые разводы, исчертившие могильный холм. Влажная земля парила, оттаивая. Откуда взялась оттепель? Кажется, на какое-то время Циклоп выпал из реальности. Рассудок помутился от перенапряжения, или он позорно заснул. Все ли по-прежнему в библиотеке? Стол, колодец-чернильница, рощица гусиных перьев. С минуту Циклоп тупо смотрел на собственную руку, пальцы которой сжимали очиненное перо. На указательном темнело фиолетовое пятно.

Чернила. Свежие.

С пальцами было что-то не так. Но взгляд Циклопа, словно магнит – железо, уже притянула к себе тетрадь. Он точно помнил, чем заканчивались записи Инес: «Я не знаю, сколько мне осталось...» Дальше шли чистые листы. Теперь же, после отступа, на пергамент легли еще три абзаца. Знакомый почерк – наклон вправо, стремительные росчерки «поперечин», небрежные завитушки... Циклоп пригляделся. Да, почерк тот же, но более размашистый, чем на предыдущих страницах; обводы букв слегка дрожат.

Казалось, Инес взялась за перо после долгой болезни.

«...я ошибалась! Изменения плоти – следствие. Результат особых свойств разума, которыми обладали Ушедшие. Мы, маги, подобны им, но бесконечно уязвимы в сравнении с прежними владыками земли. Око Митры пыталось сделать меня Ушедшей, вернуть «утраченные» возможности, которыми я никогда не обладала. В том числе – способность к метаморфозам плоти.

Король Камней хотел вылечить меня!

Дайте ребенку нож – и он порежется. Вручите меч дураку, и он рассечет себе ногу. Дикарь, не знающий огня, обожжется, сунув руку в костер. Око Митры даровало мне талант, которым я не умела пользоваться. Метаморфозы корезили мое тело, а я не знала, что с этим делать. В итоге «лечение» убило «больную». Полагаю, огонь изменений продолжил терзать мой труп – так горит забытый костер, пока дрова не обратятся в золу...»

Буквы расплывались перед глазами. Плачешь? – спросил себя Циклоп. Когда ты плакал в последний раз? Глупец, ты хватаешься за соломинку. Ты сам написал эти строки, имитируя почерк Красотки. Если тебе расколют голову, перед смертью ты должен поблагодарить избавителя...

Он смотрел на свои пальцы, и глупо улыбался. Тонкие холеные пальцы. Гладкие, длинные ногти, чуть заостренные на концах. Знакомые; чужие. Женские. На указательном – пятно от чернил. Инес всегда была аккуратна, она бы ни за что не запачкалась. Ты – не Инес...

– Господин Циклоп!

Он обернулся, пряча руки за спину. В дверях мялся изменник Натан. Глаза у парня были – по медяку каждый. И без разницы, что левый – незрячий.

– Господин Циклоп! Там... Там такое!

2.

Башню окружал плотный кокон тумана. Или, скорее, пара – как в бане. Пар клубился, бурлил, в нем рождались течения и вихри, складываясь в зыбкие фигуры. Призраки колебались водорослями на дне, меняли форму, расточались, сгущались вновь, уже в другом обличье. Словно Ушедшие, считавшие постоянство облика болезнью, решили вернуться – и не нашли ничего лучшего, кроме как собраться вокруг башни Красотки.

– Что за Беловы шуточки?

Циклоп шагнул за порог. Под ногой чавкнула грязь, намереваясь плотно закусить сыном Черной Вдовы, или хотя бы его башмаком. Грязь? Откуда? Ведь – зима, снег...

– Сто раз говорил тебе, – сообщил один из призраков, – не произноси имен и прозвищ всуе. А тебе, дураку, хоть бы хны!

Шагнув ближе, призрак налился плотью – щеголь, одетый не по погоде. Длиннополый кафтан лилового атласа; пуговицы из аметиста, оправленного в серебро. Сафьяновые сапоги с носами-клювами; по всей длине пояса – вставки из гранатов. Головной обруч – электрон с опалом в шипастой розетке. И целая радуга перстней: по два-три на каждом пальце. Рубины и изумруды, сапфиры и бриллианты, простенькие на вид камеи и геммы со странными рисунками...

Лицом гость ничуть не напоминал заплутавшего в тумане вельможу. Южный загар, смоляные волосы стянуты на затылке в роскошный хвост; жесткий уступ подбородка, щель рта, утесы высоких скул, орлиный нос – и взгляд хищной птицы из-под кустистых бровей.

– Здравствуйте, мастер Газаль, – поклонился Циклоп.

– И тебе доброго здравия...

Воздух, по-летнему теплый, был до предела насыщен влагой. Циклоп взмок, на лбу выступила испарина. Тут не в кафтане, подумал он – голышом впору разгуливать!

– Н'Ганга не любит холода. Да и я, признаться тоже, – Злой Газаль скривил в усмешке узкие губы. – Держись поближе к башне, приятель, если тебе дорога жизнь.

«Почему?» – хотел спросить Циклоп, но Газаль-руз уже растворился в облаках пара.

– Дни Наследования, – сказали за спиной.

Симон Остихарос выглядел дряхлым, как никогда. Маг горбился, опираясь на посох, словно прожитые годы давили на него, пригибая к земле.

– Мы возведем вокруг башни Инес барьер крови. Выйти ты сможешь. Но если захочешь вернуться – умрешь скверной смертью. Вас это тоже касается, – обернулся старец к Натану и Вульму, стоявшим поодаль.

– А зачем... – начал было любопытный изменник.

Отмахнувшись, Симон убрел в туман.

– А если в город надо? – забеспокоился Натан.

– Перебьешься, – отрезал Вульм.

– Нет, а если? Еды купить?

– Жрать меньше надо. Хорош глазеть, пора ужин готовить, – Вульм ухватил Натана под локоть. – Я что, один корячиться должен?

– Ужин? – вяло удивился Циклоп.

Вульм пожал плечами:

– Вечер. Люди вечером ужинают. Или ты голодать решил?

– Почему – голодать?

– На обед мы тебя не дозволили.

Желудок словно только и ждал – свернулся в трубочку. «Сколько же я просидел над тетрадью? – вздрогнул Циклоп. – Великий Митра, так и рехнуться недолго...» Он взглянул в небо, но ничего не разобрал: мешал пар, клубящийся вокруг башни.

– Так тебя звать? – настаивал Вульм.

– Звать, – буркнул Циклоп, и уселся на порог.

В сумерках туман поредел, открывая взгляду окрестности. Пушистая шуба снега полностью стаяла на полтора шагов вокруг. Обнажилась земля – темная, влажная; да и та подсыхала на глазах. Башня Инес оказалась не в центре этого круга, а ближе к краю. На всей остальной территории, словно по волшебству – нет, именно по волшебству! – бутонами исполинских цветов встали шатры. Маги, пожелавшие участвовать в Днях Наследования, обменивались приветствиями; заводили осторожные разговоры. Слов было не разобрать, но по лицам и скупым жестам делалось ясно: гости прощупывают друг друга. Каждый желал узнать новости, но опасался сболтнуть лишнего. Беседы велись обиняками, чародеи ходили вокруг да около, примериваясь друг к другу, как борцы перед поединком.

Прибывшие были знакомы Циклопу. Кроме Газаль-руза, он сразу узнал Осмунда Двойного – обладателя огненно-рыжей копны волос и белой, словно заиндевевшей на морозе бороды. Это Осмундов перстень пал жертвой Симонова излечения. Ну и бес с ним, с перстнем. И с Осмундом. Выберет себе что-нибудь из наследства, взамен. Взгляд скользил по людям и шатрам, все подмечая, и не задерживаясь ни на ком.

Мимо проскакал вертлявый живчик Тобиас Иноходец. Сегодня он принарядился: кургузый кафтанишко, шальвары цвета спелой малины. Левую ногу Иноходцу от колена до ступни заменял протез – лаковый, черный, с инкрустацией. Штанина грубым комом нависала над протезом. Ковылял Тобиас резво, вприпрыжку, а над шутками в свой адрес смеялся громче всех.

Дальше, присев на раскладной стул с набивным сиденьем, Симон беседовал с Н'Гангой, главой жрецов веселого бога Шамбеже. Судя по облику Н'Ганги, бог веселился со вкусом, не различая пароксизмы хохота и содрогания ужаса. Напротив Остихароса, на гладкой подставке из тикового дерева, покоилась черная голова. Одна голова, без туловища. Она оживленно гримасничала, и отсветы костра играли глянцевыми бликами на лбу и щеках темнокожего колдуна, словно те были смазаны маслом. Вывороченные, иссиня-фиолетовые губы жреца оставались сомкнутыми, несмотря на обезьянью мимику. Тем не менее, Симон время от времени что-то отвечал Н'Ганге.

Меж шатрами, словно тени, сновали молчаливые слуги, прибывшие вместе с магами. Таскали лари, тюки и узлы, подбрасывали дров, ворошили угли, помешивали варево в котлах, булькающих над огнем. Зелье, подумал Циклоп. Или кулеш? Скорее, кулеш – зелье слугам бы не доверили.

Ночь подкрадывалась к башне; бродила на мягких лапах, примериваясь, как бы ловчее накрыть людей своим плащом. И отшатывалась, шипя по-кошачьи. Темнее внутри колдовского круга не становилось. Виной тому были не костры – что для ночи какой-то костер?! По мере того, как небо темнело, раскрывая бархатные глубины, усыпанные искрами звезд – над башней Красотки разгоралось переливчатое жемчужное сияние, вынуждая звезды бессильно меркнуть. Говорят, такое сияние полыхает на далеком севере. Но в Тер-Тесете отродясь не видывали подобного.

К тьме господи маги относились еще хуже, чем к холоду.

За пределами круга раздался зловеющий треск. Так в лютый мороз трещат деревья в лесу. Все смолкли, вслушиваясь. Звук повторился. Теперь к нему добавился тяжкий стон. Казалось, стонет сама земля, в муках рождая уродо-великана. Снег в двадцати шагах от границы озарился зеленоватым, мертвенным светом. Свечение пульсировало, как в лихорадке. У Циклопа заныли зубы. Снег вспучился белесым нарывом; треснуло, сочась гноем, нутро земли. Из

адского провала поднялась фигура, закутанная в серую мантию – ни дать ни взять, оплывшая свеча.

– Митра-заступник! – ахнули за спиной Циклопа.

Похоже, Натан сбежал от Вульма, и сейчас жалел об этом.

– Это не он, – бросил, не оборачиваясь, Циклоп. – Это Талел, жрец Сета. Заходил к нам, помню...

– О, Талел! – прошелестел над лагерем голос Вазака.

В разломе горбом выгнулось тело исполинской твари, потекло кольчатыми сегментами. Талел похлопал чудище по лоснящейся спине, как верную лошадь, и тварь с отчетливым скрежетом ушла под землю. А жрец Сета зашагал к башне. В снег грузный некромант не проваливался, и следов за собой не оставлял.

– Земля тебе пухом, Талел! – приветствовал его Тобиас Иноходец. – Как подземные пути?

– Извилисты, но быстры. И тебе легкой иноходи, Тобиас.

– Да будет ловок твой язык!

– Да не отсохнет твоя нога!

Какая из ног имелась в виду, жрец не уточнил. Талел вошел в очищенный от снега круг, и рядом тут же оказался Вазак; что-то горячо зашептал учителю на ухо. Талел слушал, благосклонно кивая. Затем, жестом остановив Вазака, отправился приветствовать чародеев.

– Ну что? – громко спросил кто-то. – Достаточно ли нас собралось?

– Достаточно, – согласились вразнобой.

– Ставим барьер?

Хаотическое бурление замерло. Восемь магов двинулись к границе, безошибочно разделив пространство на равные сектора. Циклоп ощутил легкий укол любопытства: что сейчас произойдет? И как станет перемещаться Н'Ганга? Черная голова колдуна начала пухнуть, превращаясь в темное облако. До слуха Циклопа донеслось нарастающее гудение. Пчелы! Черные пчелы джунглей Ла-Ангри, что любят гнездиться в черепах убитых ими тварей. Циклоп напрягся, готовый в любой миг юркнуть внутрь башни и захлопнуть дверь.

– Бежим! – выдохнул Натан.

Опасения оказались напрасны. Превратясь в гудящий рой, Н'Ганга двинулся к границе круга. Достигнув черты, за которой начинался слой ноздреватого снега, рой завис в воздухе. В нем проступили очертания знакомой головы, но колдун раздумал возвращать себе изначальный облик до конца. Голова была раза в два больше человеческой; внутри нее все время происходило какое-то движение.

– Кан'целлосангвум ашг'орх мадум! – взлетело к небесам.

– Кан'целлосангвум! – подхватили маги.

Их руки плели странные узоры. Из головы Н'Ганги вытянулись извивающиеся отростки, совершая те же движения. Губы магов шевелились, повторяя заклинание. Воздух дрожал и искрил, окружив лагерь зыбкой стеной.

– Мадум!

Капли темной крови, вспыхнув, упали на землю. Воздух, быстро уплотняясь, обрел рельеф и фактуру. Не прошло и минуты, как пристанище чародеев окружил колеблющийся занавес, состоящий из бесчисленных дощечек, скрепленных между собой. Казалось, занавес свисает с самого неба – оттуда, где перламутровыми волнами текло сияние.

Как по команде, маги опустили руки и побрели к шатрам. Пчелиный рой схлопнулся, провалившись внутрь себя; на подставке из тика вновь возникла голова Н'Ганги. Жрец Шамбеже ухмылялся, демонстрируя белоснежные зубы. Симон вернулся на складной стул, и пигмей-слуга вручил старцу миску дымящейся похлебки.

– А я это... – опомнился Натан.

– Наложил в штаны? – спросил Циклоп.

– Хотелось, – признался изменник.

И шагнул ближе:

– Меня господин Вульм прислал. Мы ужин сготовили...

3.

– Где шляется наш брат Амброз?

В голосе Газаль-руза звучало раздражение. Щеголеватый обладатель коллекции перстней сидел на атласной подушке по-ригийски, подобрав ноги под себя. Сидел, не шелохнувшись, с гордо выпрямленной спиной. Лишь губы брезгливо выплюнули порцию слов, и вновь сомкнулись. Напротив Злого Газалья, являя ему полную противоположность, ерзал и вертел головой Вазак. Он впервые участвовал в конклаве магов, и заметно робел: среди собравшихся он был младшим и, пожалуй, слабейшим. Но любопытство оказалось сильнее робости. Вазак жадно впитывал в себя новые впечатления, стараясь ничего не упустить.

Он и ответил Газалю.

– Амброз – королевский маг. Видимо, его задержали дела при дворе.

– И когда же он освободится?

Осмунд Двойной в упор глядел на Вазака, двумя пальцами оглаживая иней бороды. Рыжая шевелюра Двойного костром полыхала в свете лампад. Ученик Талела мысленно проклял свой длинный язык. Сколько раз учитель твердил: «Не отвечай за других. Даже за себя отвечай, если знаешь наверняка – в какую мишень вонзится твой ответ!» Тысячу раз прав ты, мудрый Талел! Вазак – скверный ученик. Сунулся, не подумав, и теперь выглядит дурак дураком перед старшими.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Вазак. – Амброз мне не докладывает.

Тобиас Иноходец ухмыльнулся. И Н'Ганга ухмыльнулся. И еще кое-кто. Непонятно было только: потешаются они над Вазаком, или соизволили оценить его немудрящую шутку?

– Начнем без Амброза?

Тобиас всегда был нетерпелив.

– Амброз объявил Дни Наследования. Известил нас. Он второй из наследников Инес после Симона. Мы оскорбим нашего достойного брата, начав без него, – прокрипел из самого темного угла Максимилиан Древний. Его глаза плохо переносили свет, и Максимилиан окружал себя тенями, сквозь которые можно было различить лишь смутные контуры мага, оплывшего в кресле. Максимилиан был старше даже угрюмо молчавшего Симона Остихароса, и прозвище свое носил едва ли не с начала времен. Никто из собравшихся не помнил его зрелым, или даже пожилым. Тобиас как-то сострил, что Древний – последний из Ушедших.

Недошедший, смеялся одноногий.

Шутки – шутками, но на память Максимилиан не жаловался, ум имел острый, и, что важно, ему без труда удавалось пережить более молодых чародеев одного за другим. Возразить Древнему никто не осмелился. Лишь Злой Газаль проворчал себе под нос:

– Надеюсь, Амброз также проявит к нам уважение. Я не собираюсь торчать здесь...

– Всех нас ждут важные дела, – на слух Максимилиан тоже не жаловался. – Но у каждого случаются обстоятельства, которые сильнее нас. Будем же снисходительны к нашему брату Амброзу. Предлагаю обождать... – Древний задумался, прикидывая. – Скажем, до завтрашнего полудня.

– Хватило бы и до утра, – буркнул Газаль-руз.

– А чтобы не терять время зря, – тоном няньки, уговаривающей шалуна оставить спящего кота в покое, продолжил Древний, – утром мы приступим к донаследному возврату. По традиции, всякий, чья собственность находится в башне, имеет право беспрепятственно забрать свое имущество. Инес ди Сальваре была настройщицей. Думаю, в ее башне найдется немало предметов, принадлежащих моим братьям.

– Да уж, найдется!

– В таком случае, очистим свои мысли. Отдадим долг памяти усопшей – и разойдемся до утра.

В шатре воцарилась тишина. Казалось, маги перестали дышать. Замерли, вытянувшись в скорбном карауле, язычки пламени в светильниках. Застыли тени на плотной ткани. Под сводами раздался удар колокола: торжественный и печальный. Когда же угас последний отзвук, маги зашевелились, поднимаясь со своих мест, разминая затекшие ноги – и устремились к выходу. Избегая толчеи, Максимилиан Древний вышел прямо сквозь стену шатра, словно той не существовало вовсе. Кресло, в котором он восседал, растаяло за его спиной. Снаружи шатер, где заседал конклав, выглядел скромно – вряд ли он мог бы вместить больше трех-четырех человек. Но большинство магов давно не считали себя людьми, и размеры пристанища не имели для них значения.

Чародеи разошлись, и перламутр в небе угас.

4.

– Не вмешивайтесь.

Сидя на стуле с высокой спинкой, Симон хмуро щурился на бледное спростонья утреннее солнце. Стул из башни старцу притащил расторопный Натан. Именно его старый маг сейчас и одернул – хотя обращался, вроде бы, ко всем.

– А чего они? Как к себе домой?!

– Таков порядок, – видя, что парень не уgomонится, Симон снизошел до объяснений. – У Инес хранились чужие амулеты. Хозяева имеют право их забрать. Не вздумай мешать им.

– Ага, не мешай! – за прошедшие дни Натан освоился в обществе старших, обнаглел и не собирался отступать. – Свое – ладно, пусть берут. А вдруг сопрут чего?!

– Наследство Инес в силах само за себя постоять.

– Это волшебное! А обычное? Цацки, золото; деньги, опять же! Вазы, мебель... Тут глаз да глаз!

– Ты считаешь, здесь собрались воры?

– Ну... – под суровым взглядом Пламенного изменник поник, и вдруг воспрял. Шумно выдохнул, расправил широченные плечи и с храбростью, рожденной отчаянием, уставился на мага. – Воры, не воры! Мало ли? Лучше б приглядеть...

Рядом с Натаном скалился Вульм, одобряя. Он разделял сомнения парня в кристальной честности гостей.

– Нет, господин Симон, вы не подумайте! Я не про вас! – спохватился изменник. – Видели? Этот колченогий в башню поперся...

– Тобиас Иноходец?

Словно в ответ на имя, произнесенное вслух, в окне третьего этажа полыхнула голубая вспышка. Следом донесся приглушенный расстоянием крик боли.

– Я ж говорил! – просиял Натан.

И собрался в башню – бить морду уличенному прохиндею. Вульм с Циклопом едва успели удержать дурака.

– Стой, балбес!

– Его уже шарахнуло!

– Хочешь, чтоб он тебя в жабу превратил?!

– Это мы еще посмотрим, – упорствовал парень, – кто первый! Он меня в жабу, или я его оглоблей!

Оглоблю, валявшуюся у границы барьера, Натан заметил заранее. Откуда она здесь взялась, оставалось загадкой. Магия, не иначе! Вокруг хмыкали в кулак чародеи, наблюдая за развитием событий. Кто-то не выдержал – расхохотался в голос.

– Опять нарвался!

– Говорил я ему...

– Небось, и ногу так потерял...

– Присмотреться решил. Заранее. Как торги начнутся – что прикупить...

Натана уgomонили и оттащили прочь – во избежание. Вскоре на лестнице послышался стук деревяшки, и в дверях объявился Иноходец. Он морщился и тряс обожженной рукой.

– Хиханьки им! – заорал Тобиас на братьев по Высокому Искусству. – Хаханьки им! Оступился я! Схватился, чтоб не упасть – а оно из наследства, чтоб ему...

– Ну-ка, глянь, Циклоп.

Газаль-руз, посетивший башню первым, отвел Циклопа в сторонку. Разжал ладонь, сунул под нос. На ладони лежали два массивных перстня. Один – змея свилась в три кольца, держа в

пасти нешлифованный гранат. Другой – массивная оправа из серебра, безвкусная и угловатая, с камеей из темно-розового турмалина.

– Мое, – пояснил Злой Газаль. – В настройку отдавал.

– Знаю, – кивнул Циклоп.

– Теперь, вот, не пойму – вроде, оба настроены. Есть у меня сомнение. Посмотри, а? Я ж за работу вперед заплатил...

– Помню.

Циклоп взял перстни, поглядел турмалин на просвет. Темно-розовый цвет, как и положено, сменился желтым. Муть растворилась, камень засиял, заискрился, напоенный изнутри жидким золотом. Звучал турмалин мощно, ровно, без дребезга и диссонирующих обертонов.

– Все в порядке, – он вернул серебряный перстень Газаль-рузу.

– А второй?

На змею с гранатом Циклоп смотрел дольше. Змея? – нет, последний день жизни Красотки...

– Ты смотрел перстень Газаль-руза?

– Да.

– Справишься?

– Да.

– Когда сделаешь, принеси мне. На всякий случай.

– Не доверяешь?

– Принеси. Хочу поверить, что еще жива.

– Жива! – заорала из угла сипуха. – Жив-жив-ва!

Он не справился. В дверь постучал Симон, и вскоре Инес не стало. Если бы он тогда не корчил из себя героя, если бы пустил Симона наверх, в спальню...

Гранат был темным. Змеиное тело опасно вибрировало, грозя пойти трещинами и рассыпаться в прах. Как рассыпалось в прах мертвое тело Красотки, сгорев в яростном пламени Симона Остихароса. Четверть тона фальши – ерунда, пустяк. Но диссонансы накапливались, усиливались. Когда они достигнут критического предела, перстень не просто откажет в помощи – его владельцу может оторвать руку. Замысли Циклоп недоброе против Злого Газалья... Газаль заплатил вперед, напомнил себе сын Черной Вдовы. Если ты, шенок, опозоришь хозяйку, Инес встанет из могилы, чтобы намылить тебе шею. Ах, будь это правдой – я бы сто раз подряд опозорился с радостью...

– Сейчас...

Газаль весь превратился во внимание. Втайне чародей мечтал увидеть, как Красотка – да хоть Циклоп! – настраивает перстни. Сейчас на его глазах будет твориться чудо – то, чего не умеет он, Газаль-руз, сильный маг, проходивший в учениках у Максимилиана Древнего два десятка лет. Циклоп тем временем, напрочь забыв о зрителях, без особого успеха пытался надеть перстень на средний палец левой руки. Перстень был мал, любой на месте сына Черной Вдовы давно прекратил бы бесплодные попытки. Но Циклоп не сдавался. В какой-то миг – Злой Газаль ахнул от изумления! – перстень скользнул вдоль пальца, легко пройдя до основной фаланги. Даже там он сидел свободно, грозя свалиться. Перстень не стал шире – в этом маг готов был поклясться. Зато пальцы Циклопа... Изящные, женственные, с гладкими, чуть заостренными ногтями – став тоньше, они нисколько не походили на прежние, какими обладал Циклоп еще минуту назад!

Тут бы и слепой не спутал...

Уставясь в одну точку – она располагалась на вершине башни – Циклоп принялся бормотать. Газаль-руз не смог разобрать слов, как ни старался. Голос Циклопа изменился, сделавшись выше и мелодичнее. «Да ведь он поет!» – сообразил чародей. Мелодия казалась знако-

мой. Газаль не был знатоком музыки, и все же вспомнил: сходным образом звучал один из кристаллов Красотки. Когда Газаль оставался в башне на ночлег, Инес любила вести позднюю беседу под журчание струн. Ну да, лютня и клавикорды. Новый голос Циклопа выводил ту же мелодию. К музыке Циклоп был отменно равнодушен – но, возможно, это не просто музыка? Что, если она помогала Инес настраивать амулеты?

Газаль-руз шумно втянул ноздрями воздух, словно зверь, учуявший свежий след. Едва ощутимые изменения в окружающей ауре. Тончайшие вибрации, источник которых – вокальные штудии Циклопа. Пальцы настройщика. И перстень! Внутри граната играли бордовые сполохи. Камень то светлел, то наливался глухой чернотой. Циклоп крутил перстень на пальце, оборот за оборотом, и камень менялся. Увлечен метаморфозами, Газаль с опозданием сообразил: Красотка тоже имела привычку вертеть перстень вокруг пальца. Легкими, небрежными движениями, не отдавая себе отчета. Так иные накручивают на палец локон волос, оглаживают щеку или теребят пуговицу.

– Готово, – сообщил Циклоп своим обычным голосом.

Он протянул перстень Газаль-рузу. Камень в пасти змеи едва заметно мерцал. Маг прикипел взглядом к пальцам Циклопа. Пальцы были мужские, грубые. Толще, чем у Газалья. В мозолях и заусенцах. Нет, в помрачение рассудка Злой Газаль не верил.

Он видел то, что видел.

Взяв перстень, маг ощутил исходящую от него силу. Ровную, уверенную. Испытующе взглянул на Циклопа – и спиной почувствовал, что они здесь не одни. Газаль обернулся: в трех шагах от них стоял Симон Пламенный. По лицу старца Злой Газаль понял, как выглядит сам, и поспешил взять себя в руки.

– Благодарю, – кивнул он Циклопу. – Отличная работа, приятель.

– Вы мне льстите, мастер Газаль.

– Ничуть. Инес, будь она жива, не сделала бы лучше.

– Будь она жива... – хрипло повторил Циклоп.

И, словно кто-то тащил его за шиворот, походкой глиняного голема двинулся мимо магов и слуг, шатров и костров – к барьеру крови.

5.

Он забыл, как это бывает. Много лет он не слышал зова. Сны – не в счет. Да и те были редки и мимолетны. Он уверился: Черная Вдова отпустила сына. Еще чуть-чуть, и прекратятся даже редкие грезы.

Он плохо помнил, что и как делал. Настраивал перстень? Работая с амулетами, он действовал по наитию, уходя в подобие транса, но никогда раньше не проваливался так глубоко, теряя связь с реальностью. Сегодня темный водоворот взбесился – завертел, увлек в пучину. Там, на дне, звучала музыка – лютня и клавикорды. Инструментам вторило пение Красотки. Призрачный лик колыхался, оплетен водорослями; ободряя, Инес улыбалась ему, и диссонансы исчезали, мелодия выравнивалась, лилась ровно и мощно. Я тебя больше не отпущу, кричал Циклоп. Слышишь?

Выброшен на поверхность, он испытал приступ тоски – острый и короткий, как укол жугалом в сердце.

Именно в этот миг до него добралась Черная Вдова. О, как долго хозяйка Шаннурана ждала своего часа! Знакомый, сладостный озноб сотряс тело Циклопа, как тряс в прошлом мальчишку по имени Краш, идущего по следу Ока Митры. Он ясно увидел путеводную нить: от башни Красотки к подгорным лабиринтам. Черная Вдова звала своего сына. Что держит тебя здесь? – спрашивала она. Не тешься напрасными иллюзиями. Инес умерла, прах ее – горсть пепла. Ты, мальчик мой, тоже не человек. Сперва – чудовище, теперь – наследство, вещь, за которую спорят могущественные маги. Они хотят завладеть Оком Митры? У Ока есть законная хозяйка, а у тебя – ласковая мать. Кто осмелится последовать за тобой в мой мрак? Возвращайся, блудный сын! Я прощу и приму тебя, мои сосцы полны млечного сока...

Циклоп улыбался в ответ. Аспидный зрачок Вдовы распахивался перед ним, в глубинах тьмы клубилась бриллиантовая пыль звезд, обещая ответы на все вопросы; вечность и покой, покой и вечность...

В какой-то миг зрачок затуманился. Глаз Черной Вдовы моргнул, отодвинулся – и сквозь точеные обводы Вдовьей морды проступило лицо Инес. Вдова и Красотка перетекали друг в друга, наслаивались, сливаясь и вновь разделяясь. Обе были прекрасны – каждая по-своему. Два образа спорили меж собой. Рассудок Циклопа наливался расплавленным свинцом, безумие было мечтой и надеждой...

Он застонал сквозь зубы и остановился. Боль отпускала с неохотой. До занавеса из дощечек, свисавшего с неба, оставалось пять шагов. А перед сыном Черной Вдовы – вещью! чудовищем! – загораживая дорогу, суровым утесом воздвигся Симон Остихарос.

– Ты сказал, что выйти можно, – прохрипел Циклоп. – Барьер пропустит.

Перед глазами качалась багровая пелена.

– Наружу – пропустит. Но тебе лучше не пробовать.

– Почему?

– Око Митры. Наследство.

– Но я же брал в руки... Кристаллы, амулеты!

– Одно дело – взять. Другое – вынести за барьер. Это может быть расценено барьером, как попытка кражи. Голова болит? У тебя такое лицо...

– Это не лицо. Это карта. Чтобы я не заблудился дорогой...

– Смешно, – кивнул старец, мрачней ночи. – Пошли обратно.

Циклоп повернулся, чтобы идти, но ощутил внезапную слабость и противную дрожь в коленях.

– Я тут отдохну. Ноги не держат.

На лице Симона явственно отразилось сомнение.

– Уймись, – с нарочитой грубостью бросил Циклоп. – Я еще поживу. К чему портить дорогую вещь? Говорю же: отдохну и приду.

Он с трудом отошел от барьера. Опустился – считай, упал – на успевшую подсохнуть землю. Симон пожевал губами, собираясь что-то сказать, не сказал и убрался прочь. Сын Черной Вдовы был уверен: маг наблюдает за ним, и в случае чего – остановит. Или Натана пошлет, чтоб удержал. Изменник тройку коней удержит, не вспотеет. Дрожь в коленях усилилась, и Циклоп решил не обращать на нее внимания. Сижу, видом любуюсь, по сторонам глазаю. Давно подмечено: чем реже поглядываешь на котелок, висящий над огнем, тем быстрее он закипает...

Сквозь узкие щели меж дощечками виднелись заснеженные поля, предместья Тер-Тесета, горы, начинавшиеся в трех лигах. Дощечки колебались под ветром, постукивали друг о друга. Деревянные, простецкие – хочешь, рукой потрогай. Сельский плетень, и тот понадежней будет. Краем глаза Циклоп уловил некое движение на равнине. Когда он всмотрелся, занавес послушно истаял, обратившись в дымку, и стала видна стая бродячих собак, пробирающихся к башне. Кудлатые, грязные, они крались, припадая к корке наста. Время от времени наст ломался под самыми тяжелыми из псов, и бедолаги спешили выбраться из снега, с раздражением отряхиваясь.

Рядом, на зависть волкодавам, бодро семенила лохматая мелюзга.

На кострах, которые с утра развели слуги, булькали, благоухая похлебкой, закопченные котлы. Ароматы горячей еды и привлекли стаю: запахи барьер пропускал беспрепятственно. Собаки то и дело настораживались, замирали, нюхали воздух, склоняя лобастые головы – и, пересилив страх, двигались дальше. Наконец стая остановилась шагах в десяти от барьера. До слуха Циклопа долетел жалобный скулеж: страх и голод уравнивали друг друга, не позволяя псам ни отступить, ни двинуться дальше.

Собаки сетовали на вселенскую несправедливость.

Время шло, и вожак решил. Здоровенный кобель – рыже-черный, с рваным ухом, весь в колтунах, с большим лишаем под левым глазом – отбросив страх, с места рванул вперед. По грудь провалился в снег, выбрался, вновь провалился. Позади ждала притихшая стая. Впереди, забыв о дрожи в коленях, о Вдове и Красотке, ждал Циклоп. Что сейчас произойдет? Он жаждал это увидеть, как толпа перед эшафотом жаждет увидеть взмах топора, фонтан крови и голову, катящуюся по помосту.

Качнулся дощатый занавес. В щели меж деревяшками возник, жадно принюхиваясь, собачий нос. Отчаянный, истошный визг взлетел к небесам – и оборвался. Черно-рыжее тело распластало по барьеру, словно шкуру, распяленную для просушки. Дощечки раздались в стороны, освобождая место, и между ними начали возникать новые деревяшки. Черные; рыжие... Минута, и все было кончено. В занавесе прибавилось дюжины две дощечек. А стая с диким воем неслась прочь, вспарывая снежную целину, увязая, проваливаясь, но ни на миг не останавливаясь. Казалось, за псами гонятся все демоны ада.

Циклоп поднялся на ноги.

Колени перестали дрожать, и он побрел к башне.

6.

– Уж солнце взошло над горами, уж высохла в поле роса...

Газаль-руз фальшивил. Детская песенка в его исполнении походила на разбойничью. Повторяя одну и ту же строку, Злой Газаль строгал ножиком упрямую деревяшку. Каменный дуб сопротивлялся стали, но маг был упрямее. Колышек, выходящий из-под серповидного лезвия, уже мог упокоить самого бойкого упыря. Но чародей и не думал останавливаться на достигнутом. Сейчас он покрывал колышек рунным узором. Человек, сведущий в магии, с первого взгляда определил бы, что Злой Газаль намерен делать дальше. Вырезав семь витков рунной оплетки, он за неделю до полнолуния вымочит колышек в настое чистотела, высушит в тени, в полдень вынося на солнце, а в полночь – под свет луны; вычернит руны экстрактом чернильных орешков, собранных в Духов День. После чего даже легкая царапина отправит в небытие хоть поднятую, хоть *изначальную* нежить, а некроманта лишит силы, по меньшей мере, на сутки.

– Уж солнце взошло над горами...

Проходивший мимо Талел Черный был более чем сведущ в магии. Злой Газаль почувствовал его внимание, но не подал виду.

– Ты мог бы заняться этим в своей башне, – бросил Талел.

– Мог бы, – согласился Газаль. – Но моя башня далеко.

– Ты, как я вижу, трудолюбив.

– Не люблю зря терять время.

– А если я скажу, что ты ведешь себя вызывающе? Идут Дни Наследования, и это территория собрания конклава. А брат Газаль демонстративно готовит убийственные *мортусы*...

– А если бы я точил кинжал? Шлифовал рубин для огненного жезла? Ты стал излишне мнителен, брат Талел. Стареешь?

– В твоих действиях я вижу дурной намек, брат Газаль!

– Еще и зрение слабеет... Видишь то, чего нет?

Дав понять некроманту, что разговор окончен, Газаль возвысил голос:

– Уж солнце к полудню стремится, уж пот заливает глаза...

Тот, кому следовало, прекрасно его услышал.

– Увы, брат Газаль прав, – на сей раз Максимилиан явил себя миру обычным способом, откинув входной полог. – Полдень, конечно же. Боюсь, нам придется начинать без нашего брата Амброза.

Для второго заседания шатер магам не понадобился. Чародеи расположились на открытом воздухе, сотворив каждый себе – кресло, табурет, шелковую подушку. «Кисея глухоты» надежно отгородила конклав от внешнего мира. Нечего слугам, хлопочущим рядом, слышать лишнее.

– Итак, время истекло. Впрочем, у брата Амброза еще есть возможность принять участие в наследовании. Он – второй в очередности.

– Инес ди Сальваре не оставила завещания? – поинтересовался Осмунд Двойной. Рыже-седой маг прекрасно знал ответ, но порядок есть порядок.

– Никто не слышал о ее завещании.

– Поиск по ауральному оттиску покойной ничего не дал.

– Посему считаем, что завещания нет! – возгласил Тобиас Иноходец.

Он азартно потер руки в предвкушении. Одноногий маг не зря наведывался в башню, успев положить глаз на пару любопытных вещиц – и теперь весь кипел в ожидании начала торгов. Наследнички, Бел их заберите! Вот у кого губа не дура. Небось, разберут все самое ценное.

Тобиас украдкой покосился на Симона. Хорошо, что Амброз запропастился. Меньше наследников – больше шансов, что тебе достанется славный куш.

Мнение Иноходца разделяло большинство присутствующих. Но они лучше умели скрывать свои чувства.

– Если кто-то желает заявить о завещании, пусть скажет сейчас, или замолчит навеки, – словно издеваясь над братьями, Максимилиан Древний говорил торжественно и медленно, едва ли не нараспев.

В мертвой тишине маги выждали положенную минуту. Когда она истекла, кое-кто выдохнул с облегчением. Объявись завещание – прахом пошли бы все надежды разжиться полезными безделушками из имущества покойной!

– Начинаем наследование по очередности. Первым наследует учитель покойной, если он жив и присутствует среди нас. Симон Остихарос, учитель Инес ди Сальваре, жив и присутствует. Желает ли кто-нибудь оспорить его первенство?

– Желает!

«Кисея глухоты» не пропускала звуки в одну сторону: изнутри наружу. Не было ничего странного в том, что чародеи слышали голос, долетевший издалека. Удивительно было другое: как говоривший ухитрился расслышать вопрос Древнего?

– Предстань перед конклавом и предъяви свои претензии.

Далеко, на окраине города, возник едва заметный снежный вихрь. По мере приближения он стремительно вырастал в размерах, двигаясь по пологой дуге. Не прошло и трех минут, как бешено крутящееся веретено – с коконом-утолщением в дюжине локтей от земли – с ходу врезалось в барьер крови. Занавес распахнулся, как от удара исполинским тараном, словно и не крылась в нем могучая магия. Белый смерч ворвался в лагерь и рассыпался в трех шагах от конклава – не снежной крупой, а тополиным пухом. Летняя пурга замела вокруг башни; ярче вспыхнули костры, жадно пожирая хлопья, и сквозь пуховую круговерть проступили две человеческие фигуры.

Высокий мужчина распахнул плащ с меховым капюшоном, являя взорам темно-бордовую мантию мага. Рядом с ним, испуганно озираясь, стояла молодая женщина в собольей шубке, накинутой поверх атласного платья, с диадемой на голове. Пряди волос цвета спелой пшеницы спадали на лицо, скрывая левую его половину. Складывалось впечатление, что женщина пытается спрятать некое уродство.

– Приветствую братьев, – Амброз Держидерево улыбнулся, поклонившись. – Прошу извинить меня за опоздание. Дайте мне еще пять минут, и я предъявлю свои претензии.

На первый, вскользь брошенный взгляд, королевский маг Тер-Тесета выглядел, как всегда: вежливо-спокойный, ироничный. При втором, более внимательном взгляде, можно было заметить: грудь Амброза вздымается чаще обычного. Казалось, маг никак не может успокоить дыхание после быстрого бега. На щеках гасли багровые пятна румянца. Волосы, обычно расчесанные со всем тщанием, сейчас находились в легком беспорядке. Глаза Амброза блестели; взгляд метался по сторонам, не в силах надолго задержаться на чем-то одном.

Максимилиан Древний с достоинством кивнул:

– Пять минут, брат Амброз. Не больше.

– Эльза! – заорали от башни. – Госпожа Эльза!

Женщина обернулась на голос и, оступившись, чуть не упала. Сделалось ясно: она едва держится на ногах.

– Благодарю, – кивнул Амброз, увлекая спутницу прочь.

У башни началась возня: здоровенный детина, похожий на быка, рвался к «госпоже Эльзе», а его не пускали. С трудом парня уgomонили. Тем временем Амброз, выбрав свободный участок земли, извлек из-под плаща сверток, щелкнул пальцами – и сверток развернулся в туго

натянутый шатер. Проводив женщину внутрь и что-то строго-настрого ей приказав, Амброз вернулся к конклаву. Сотворять себе кресло он не считал нужным, оставшись стоять.

– Еще раз приношу свои извинения. Увы, у мага трона есть обязанности, которыми он не в силах пренебречь.

– Ты объявил Дни Наследования, брат Амброз, – сказала голова Н’Ганги. – А сам явился последним. Тебя задержало что-то? Откройся своим братьям.

– Меня задержали государственные дела. А теперь я хотел бы огласить обвинение. Надеюсь, ни у кого нет возражений?

Амброз извлек из-за пазухи черствую горбушку хлеба. С нежностью огладил шершавую, подгорелую корку. Хлеб под ладонью мага шевельнулся, задышал. Чародеи наблюдали за происходящим с интересом, но без удивления: поминальный обряд был знаком каждому. Амброз подождал, пока дыхание хлеба выровняется, и произнес так, чтобы все слышали:

– День Поминовения. Инес ди Сальваре. В чем каялся Симон Остихарос, именуемый Пламенным?

Горбушка печально вздохнула.

– Инес ди Сальваре, прости меня, – в пору было поверить, что Симон, уподобясь Н’Ганге, принялся вещать, не размыкая губ. – Я убил тебя, не желая этого...

– Кто может подтвердить сказанное?

– Огонь в горне, лава в утробе вулкана. Хлеб и вода, и два живых свидетеля...

– Ты, хлеб, свидетельствуешь?

– Да.

Хлеб умолк. Молчал и Амброз. Над конклавом повисла такая тишина, что безмолвию ночного кладбища в пору было обзавидоваться. Казалось, «кисея глухоты» перестала пропускать звуки в обе стороны, расплавленным воском затекла в уши – и застыла.

Взгляды сошлись на Симоне Пламенном.

7.

– Убийца не может наследовать убитой!

Кому принадлежал визгливый выкрик, осталось тайной. Миг, и благопристойный конклав превратился в растревоженное осиное гнездо.

– Пересмотреть очередность!

– Исключить из наследников!

– Позор убийце!

– Торги! Всё на торги!

– Тор-ги! Тор-ги!

Маги вскочили с мест – откуда и прыть взялась! Тобиас Иноходец в возбуждении при-топывал деревянной ногой, роя землю, как норовистый конь – копытом. Пальцы Газаль-руза зловеще шевелились. В любое мгновение Злой Газаль был готов пустить в ход свои знаменитые перстни. В руке Осмунда возник жезл. Голова Н'Ганги издавала гудение, грозя обратиться в рой пчел. Бледный, как смерть, Вазак отступал к шатрам, намереваясь в случае драки спастись бегством.

– Братья! Стыдитесь!

Максимилиан Древний вознесся над готовыми сцепиться чародеями, окутан шевелением теней, словно коконом тьмы. Голос старейшего из магов был подобен удару колокола, вытеснив иные звуки. Маги замерли; Древний выдержал паузу, дождавшись тишины.

– Обвинение предъявлено. Нам следует выслушать Симона Остихароса. Кто-то считает иначе?

Не слыша возражений, он кивнул:

– Говори, брат Симон.

– Что ж, я отвечу, – Симон встал. – Да, я виновен.

Учитель Инес выглядел угрюмым и сосредоточенным, как человек, принявший решение: трудное, но окончательное. Он говорил только с Максимилианом, игнорируя остальных.

– Инес была неизлечимо больна, – слова давались Симону с трудом. Чувствовалось, что старец не привык объясняться или оправдываться. – Я опасался, что она в плену или мертва, и явился в ее башню, намереваясь это выяснить. Циклоп, слуга Инес, отказался пускать меня к ней. Я вспылил. Инес все слышала; чтобы спасти Циклопа, ей пришлось спуститься к нам. На это ушли последние силы больной. Инес умерла у нас на руках. Да, я виновен в ее смерти, но убила ее болезнь.

– Как трогательно! – шмыгнув носом Тобиас Иноходец.

Насмешку одноногого никто не поддержал.

– От какой болезни умерла Инес?

– Ее тело было подвержено хаотическим метаморфозам.

– Никогда не слышал ни о чем подобном!

Осмунд Двойной был взволнован. Маги вновь зашумели:

– И я не слышал...

– И я...

– Что-то не слишком верится...

– Надо взглянуть на тело!

– Где вы ее похоронили?

– Там, – указал рукой Симон. – Впрочем, тело Инес продолжило меняться и после смерти.

Я сжег его.

– Он убил ее! И скрыл следы!

– А вдруг он врет? Вдруг тело цело?

– Хотел сжечь, но не успел!

– Увы, Симон, – лицо Древнего скрывали тени, но от слов его веяло печалью. – Мы обязаны проверить твои слова. Кто пойдет к могиле, чтобы удостовериться?

Талел Черный презрительно фыркнул:

– В этом нет нужды. Я чую пепел даже отсюда. Симон говорит правду – по крайней мере, насчет сожжения. Это случилось позавчера. Я прав, брат Симон?

– Ты прав, брат Талел.

– Инес умерла три недели назад. Почему ты сжег ее тело только сейчас?

– Не твое дело, брат Талел.

Талел рассмеялся, но остальные приняли сказанное Симоном за оскорбление:

– Я ж говорю: следы заметал!

– Ну да, истории рассказывают живые!

– Мертвецы молчат...

– Опасался: поднимем, расспросим...

– Дело скверное, – подвел итог Максимилиан. – Все мы слышали свидетельство хлеба. Уверен, вода скажет то же самое. Симон Остихарос убил свою ученицу, утверждая, что не желал этого. С другой стороны, сожжение тела вызывает у собравшихся законные подозрения. Полагаю, если Симон доброй волей откажется от участия в наследовании...

От Симона не укрылось, как напрягся молчавший до сих пор Амброз. Хладнокровие изменило королевскому магу. На лице его вновь проступили сошедшие было багровые пятна, выдавая сильное волнение – на грани вожделения.

– Я не откажусь, – сказал старец.

Вокруг начался ропот. Казалось, из морских глубин встала приливная волна.

– Возможно, ты, по крайней мере, согласишься уступить свою очередность?

– Нет.

– Подумай, Симон! Ты всегда был рассудителен...

– Нет.

– Неужели в имуществе покойной есть что-то, что стоит такого упрямства?!

– Инес ди Сальваре была моей ученицей, – отрезал Пламенный. Он встал, и воздух вокруг него задрожал, как над костром. – Я, Симон Остихарос – ее первый наследник. И закончим на этом.

Максимилиан обернулся к королевскому магу:

– Что скажешь, Амброз? Ты обвинил Симона, и ты – второй в очередности, как муж покойной. Согласен ли ты уступить?

– Симон сам обвинил себя. Я лишь огласил свидетельство. И я настаиваю на том, что Симон Остихарос не может наследовать первым, поскольку повинен в смерти Инес.

«Интересно, что эти двое не поделили?» – прошептал Тобиас на ухо Газаль-рузу, так, чтобы услышали все. Злой Газаль в ответ лишь дернул щекой. Противостояние Пламенного и Держидерева вызывало у него живейший интерес – едва ли не больший, чем участие в предстоящих торгах. Газаль не желал пропустить ни слова, ни жеста. Когда еще выдастся столь изысканное развлечение?

– Итак, никто не желает уступить, – тени, окружавшие Древнего, клубились, наводя на мысли о грозных облаках. – Значит, решение вынесет конклав, без участия заинтересованных сторон. Братья Симон и Амброз, удалитесь. Когда решение будет принято, вас пригласят.

Глава третья Любовник Черной Вдовы

1.

– Госпожа Эльза?

Ни разу в жизни Натан не боялся так, как сейчас. Даже в переулке, где убивали отца, а малыш Танни полз по брусчатке, понимая, что от смерти не уползешь. Гибель под градом камней, под сапогами озверелой толпы – подарок судьбы, если представить, что может сделать с тобой оскорбленный чародей. Парень оглянулся через плечо. Зрячий глаз слезился, Натан вытер его рукавом. Маги спорили, кое-кто вскочил с мест, но сюда, к шатру Амброза, не доносилось ни звука. Пусть спорят, подумал изменник. Я должен успеть, пока им не до нас.

– Госпожа Эльза, вы здесь?

В шатре царил слабый полумрак – словно на опушке леса, в тени разлапистых елей. Сперва Натан решил, что шатер пуст. Ткань в ромбах, синих и бордовых, колыхалась; сплетение узловатых корней, заменявшее пол, воображение превращало в мускулистую спину чудовища, избитого до полусмерти – синяки, кровоподтеки. Напротив входного полога, менее чем на локоть приподнимаясь над корнями, росла узкая лежанка. Сплетенная из гибких, кажется, ивовых веток, с краями, загнутыми вверх, она походила на корзину, с какой ходят на базар за свежей рыбой. На ветках трепетали крошечные язычки листьев. Они облизывали тело спящего человека, и зелень делалась гуще, темнее, местами переходя в осеннюю желтизну. От этого зрелища изменника пробил холодный пот. А ну как опоздаешь, промедлишь на пороге, и найдешь в сытой, обожравшейся лежанке не сивиллу, а скелет с ошметками плоти на костях? Парень шагнул вперед, боясь оступиться. К счастью, идти по корням – а хоть бы и его беспальными ногами! – оказалось легко и удобно.

– Госпожа Эльза, это я...

Он присел у лежанки на корточках. Сивилла спала, и Натан залюбовался спящей, забыв, где он, и зачем пришел. Эльза лежала на боку, изуродованной щекой в подушку. Профиль молодой женщины навел изменника на мысли о птицах. Зяблики, щеглы... Знать бы, почему? Ничего птичьего в чертах сивиллы не было.

Силки, подумал Натан. Клетки.

Вот почему.

– Проснитесь, госпожа Эльза...

Он едва успел зажать ей рот. Опоздай Натан на краткий миг, и вопль сивиллы всполошил бы весь лагерь. Крик бился ему в ладонь, будто живой; крик рвался на свободу. Проклиная себя, чувствуя, как ладонь горит от чужого ужаса, изменник навалился грудью на край лежанки. Ветки прогнулись, из последних сил удерживая тяжесть могучего тела. Листья-языки мелькали, ища живую плоть чужака. Натан чуть не расхохотался от щекотки, пробравшейся под кожу и рубаху. Прикосновения юрких листьев, как ни странно, успокоили его, придали смелости.

– Вы не бойтесь, госпожа Эльза. Все хорошо, это я...

«Танни?» – толкнулось в ладонь.

– Ага, я...

«Зачем? Откуда?»

– За вами пришел. Вы вставайте, только тихо...

Он убрал руку, боясь, что Эльза все-таки закричит. Нет, она молчала, просто села на лежанке. Сивилла была в одной сорочке; подол сбился, открывая ноги много выше колен. На груди под тонким полотном торчали два бугорка: маленьких, твердых. Рожки, подумал Натан. У меня похожие, только на голове. Он не замечал, что фыркает, раздувая ноздри, и клонит голову, как если бы собирался боднуть сивиллу. Мозг заволакивала пелена: не багровая, как от ярости, а сизая с горящими прожилками молний – грозовая туча, готовая пасть ливнем на иссохшие от зноя поля. Понадобилось чудовищное усилие, чтобы вернуть рассудку ясность. Тащить каменную руку Симона от грота к башне, и то было легче.

Натан облизнул пересохшие губы, и увидел, что Эльза тоже облизывается. Он не знал о дурной привычке короля – а если б и знал, то не нашел бы сходства! – и удивился. Наверное, она хочет пить. Надо принести ей воды...

Надо бежать, болван, подсказал кто-то, злой и деловитый, голосом Циклопа.

– Медь, – задумчиво произнесла сивилла. – Или железо.

– Что?

– Медь. Соль. Чуть-чуть с кислоткой.

– О чем вы, госпожа Эльза?

– О вкусе крови. Ты когда-нибудь пробовал кровь на вкус?

– Жареную, – сознался Натан. – В колбасе. С кашей, салом и чесноком.

– А человеческую?

– Вы с ума сошли!

– Он успокаивает меня. Амброз говорит: это принц. У них в роду так заведено. Король умер, да здравствует король. Почему же мне снится, что это я? Я ничего не помню. Только медь и соль на языке. Зачем ты пришел, Танни? Ты славный мальчик. Я бы поцеловала тебя, но не могу. У меня во рту медь и соль, а это кровь...

Ее пытали, подумал Натан, холодея. Ее пытали, и она рехнулась. Великий Митра, теперь что с диадемой, что без диадемы – безумная, и все тут. Нет, госпожа Эльза, какой бы вы ни стали, я не предаю вас во второй раз.

– Идемте со мной, – попросил он. – Я вас спрячу.

– Куда?

– Вы, главное, оденьтесь. Нельзя в одной сорочке...

– Где ты меня спрячешь?

– В башне. Я прослежу, чтобы не было крыс. Мы пересидим там, пока эти не разъедутся.

Да пусть хоть все заберут, до последней тряпки! Стервятники! Они уедут, а мы останемся. Или уйдем, если вы пожелаете.

«Если Циклоп отпустит,» – молча добавил он.

– Далеко? – вздохнула сивилла. – На край света?

– Мир велик, госпожа Эльза. Кто станет искать двух бродяг?

– От себя не сбежишь, Танни. Уходи, мне больно от твоей заботы.

– Я умолю господина Циклопа. Он защитит нас.

– Соль и медь, Танни. Это судьба.

– Перестаньте!

– Уходи. Я останусь с Амброзом.

– Он – плохой человек, ваш Амброз! Господин Циклоп ходил к нему в гости. Вернулся пьянющий, как сапожник. Кричал: я – вещь! Я мало что понял, госпожа Эльза, но ваш Амброз хочет забрать господина Циклопа себе. Как шубу или кресло. Разве ж так можно? Забрать живого человека без спросу! Он очень плохой человек, ваш Амброз...

– А твой Циклоп – хороший?

– Хороший! Очень! – Натан знал, что лжет. У лжи был отвратительный привкус: медь и соль, и слабая кислотка. Хотелось сплюнуть, а приходилось глотать, борясь с тошнотой, и

твердить с уверенностью, которой у парня не было: – Он добрый, он просто с виду сердитый. Меня спас, для опытов... вам диадему подарил...

– Диадему, – со странным выражением лица повторила сивилла. Кончиками пальцев она коснулась щеки, где уродливо торчал наполовину содранный струп, и поморщилась. – Лучше бы он подарил мне цепи. И два кольца в каменной стене.

– Он защитит нас, вот увидите...

– Ты сказал: вещь. Циклоп кричал: я – вещь. Я – тоже вещь. Меня передают из рук в руки. Мною пользуются, не спрашивая, хочу ли я этого. Как одна вещь может защитить другую? Уходи, Танни. Ты пострадаешь из-за меня, и я огорчусь.

– А уж я как огорчусь! – сказали от входа.

Скрестив руки на груди, Амброз улыбался самым приятным образом. Кто угодно поверил бы, что это благородный отец смотрит на тайное свидание дочери с возлюбленным, загодя планируя день свадьбы. Узлы корней щенятами льнули к сапогам мага; листва, росшая на лежанке, тянулась к нему. Амброз и впрямь был доволен. Еще бы! Он своими ушами слышал, как девчонка отказалась бежать, сделав выбор в его пользу, а это дорогого стоило. Мне хватит одного Циклопа, думал маг. Разумеется, я постараюсь уговорить его на сотрудничество. Я буду вежлив и убедителен – шелковые кандалы, хозяин в маске доброжелателя. Если дурак упрется, я уж точно смогу принудить его к повиновению. Заранее представляя, какое решение вынесет конклав, падкий на зрелища, связанные с публичным унижением братьев по Высокому Искусству, Амброз уже считал Циклопа – вернее, Око Митры! – своим. Все, чего хотелось сейчас королевскому магу, так это хорошенько отдохнуть. Силы вскоре окажутся нелишними.

– Т-ты!.. я т-тебя...

О, Амброз ждал чего угодно. Слез. Мольбы о прощении. Попыток объясниться. Лжи, правды; душеспирательной истории о любви, вопиющей к небесам. Обморока, наконец! Но того, что произошло, ученик Н'Ганги Шутника не ожидал, несмотря на свой богатый жизненный опыт. Так это было глупо, так по-детски... Набывчив лохматую голову, ссутулив плечи, сделавшие бы честь Левиафану, молодой болван от лежанки – великий Митра! – на четвереньках ринулся на врага.

– Т-ты!..

– Я, – кивнул Амброз. – Кто же еще?

Корневой пол, по которому легко прошла бы и хромая старуха, превратился в трясину под ногами Натана. Ступня, искалеченная ножом лекаря, застряла между узлами, щиколотка хрустнула веткой в зимнем лесу. Тело еще несло вперед, но дотянуться рукой до проклятого чародея не получилось – хрип, краткая судорога, и Натан упал так, что шатер заходил ходуном. Клейкие побеги, брызнув из корней, с деловитостью разбойников уже вязали парню запястья и лодыжки. Крепость их могла соперничать с крепостью стали. Натан дергался, изрыгал брань; более длинный побег, изогнувшись кольцом, обвил шею – вскоре жертва лежала, спеленутая на манер младенца, тесно прижавшись к полу щекой, и как назло, это была правая щека, со стороны зрячего глаза.

– Герой, – Амброз присел рядом. Натану был виден сапог и нога до колена. – Гвадриль Могучий. Лислав Падающая Звезда. Идиот, сын и внук идиота. Кто этот громила, госпожа Фриних?

Горло предало Эльзу. Понадобились усилия, чтобы вернулась речь.

– Изменник, – срывающимся шепотом ответила она. – Последний изменник, как я – последняя сивилла. Его зовут Танни. Не трогайте его, прошу вас...

– Вы делаете из меня зверя, дитя мое, – Амброз взъерошил парню волосы, нащупал бугорок рога и рассмеялся. – Пожирателя детей. Обидно, знаете ли. Если вы заметили, я и пальцем не тронул вашего последнего. На кого тебя разменивали, богатырь? На кулачного бойца? Если да, то размен прошел не лучшим образом.

– Грузчик, – прохрипел Натан. – Как отец...

– Ну так грузи! Тюки, бочки, доски! Твое место на пристани, а не в моем шатре...

– Убью, – пообещал Натан.

– Это вряд ли. Что ты вообще здесь делаешь? Приволок в башню новый шкаф, и застрял?

Иди, не бойся – барьер выпустит...

– Я скажу Циклопу! Я скажу Симону! Они тебя...

Амброз вздохнул:

– Эльза, ваш последний лишился ума. Сперва уговаривал вас бежать, теперь грозитя... Я бы с удовольствием избавился от его присутствия. Да боюсь, что развязанный он снова полезет драться. Эй, рогоносец! Если я верну тебе свободу, ты уберешься прочь?

– Я...

– Ты уйдешь, Танни, – твердо сказала Эльза.

– Я... госпожа Эльза!..

– Ты уйдешь. Но сперва попросишь прощения у господина Амброза. Ты в его шатре, ты поднял на него руку. Понял?

Натан молчал. Он не произнес ни слова, пока корни отпускали его. Огромный, всклокоченный, со щекой, на которой отпечатался рисунок корневища, он побрел прочь. Откинул входной полог, задержался, свесив голову на грудь.

– Простите меня, господин Амброз, – голос парня был мертвым. – Простите дурака. Вы берегите ее, она хорошая. Она лучше всех...

В шатре стало просторно, когда он вышел.

Амброз лег на спину, чувствуя, как корни делаются мягче, пружинят, укачивая хозяина. Надо отдохнуть, думал маг. Любой ценой. Отдаваясь качке, на грани яви и сна, он вспомнил, как во дворце отыскал советника Дорна – и кратко, избегая подробностей, доложил о трагической гибели Ринальдо III. Советник был из тех крыс, которые мало того, что не бегут с тонущего корабля, но в случае шторма способны встать за штурвал, и даже на капитанский мостик. Себастьян Дорн принял новость с каменным лицом. Так он радовался, и Амброз знал об этом. Дорн распорядился перенести спящего принца в отдельные покои, и обмыть тело короля, подготовив к погребению. «Альберт?» – спросил Дорн. Скоро проснется, ответил Амброз. Полагаю, он вряд ли вспомнит, что убил отца. Это, как по мне, к лучшему. В столь юном возрасте, столь жестоким способом... «Да, – кивнул Дорн. – Я слышал от лекарей о прискорбном состоянии принца. Его память...» Вот-вот, согласился Амброз. «Я пошлю гонца к Эдварду ди Тарра, – Дорн поджал губы, отчего рот советника превратился в куриную гузку. – Надеюсь, он не откажется стать регентом при малолетнем племяннике. Одна из дочерей Эдварда в будущем сделается прекрасной женой его высочеству...» Его величеству, поправил Амброз. «Да, конечно. Его величеству. Как вы считаете, версия о собаке, кинувшейся на короля, когда тот избивал бедное животное палкой, будет принята двором и народом?» Да, кивнул Амброз. Учитывая вспыльчивый характер усопшего... У вас найдется подходящая собака? «У меня? – улыбнулся советник. – Вряд ли. На псарне – наверняка. Каждый пес должен быть рад погибнуть за отечество. Надеюсь, досточтимый Амброз, вы и в дальнейшем не оставите нас своим попечением?»

– Вы спите? – тихо спросила Эльза.

Ответа сивилла не дождалась.

2.

– Ты был прав.

Симон потянулся к блюду, ухватил кусок успевшей остыть баранины – и сжал в кулаке. Меж пальцев Остихароса проступил желтоватый, загустевший жир. Над кулаком за клубился сизый дымок. Жир закапал на пол, наливаясь сочной рыжиной. Ухватив мясо поудобнее, старец откусил кусок вновь горячего жаркого. С одного края волокна баранины подгорели до черноты. Рыжее, подумал Циклоп. Черное. Шкура бродячего кобеля. Смертный визг; барьер жрет несчастную собаку, виновную лишь в том, что была голодна. Жрет, превращая ее в себя – живое в мертвое, плоть в деревяшки. Рыжее, черное; миг, и ты – дюжина дощечек, стучащих на ветру. Будь она проклята, ваша магия, меня тошнит от нее. А теперь выясняется, что я был прав...

– В чем? – спросил он.

Доев жаркое, Симон вытер губы и ладони чистой тряпицей – и лишь после этого ответил:

– Тело Инес надо было сжечь.

Циклоп ждал продолжения.

– Амброз обвинил бы меня в любом случае, – лицо старца окаменело. – Да что там! Я сам себя обвинил. Тут он поймал нас, как рыбак – леща. Но мы не дали им глазеть на Красотку. Видел бы ты их рожи! Они жаждали зрелищ, как сброд на площади! Еще бы! – занятная диковина. Уверен, они бы подняли ее для допроса...

В глазах Пламенного мелькнула опасная бирюза; мелькнула – и погасла. «Что решил конклав?» – хотел спросить Циклоп. И промолчал. От конклава он не ждал ничего хорошего. Если уж Симон держит язык за зубами...

– Ты тоже был прав, Симон.

– В чем? – вернул маг Циклопу его же вопрос.

Циклоп поглядел на остатки баранины. Нет, тошнота никуда не делась. Он налил себе воды в кружку и выпил залпом.

– Помнишь, ты предположил, что Инес еще жива? Я все время вспоминаю твои слова. А может быть, я просто схожу с ума. Когда я едва не ушел за барьер крови, меня вел зов Черной Вдовы. Как двадцать лет назад! А Инес остановила меня, вернула. Я видел ее ясней ясного...

В очаге, стреляя искрами, трещали поленья. Языки пламени вели свой бесконечный танец, за которым можно наблюдать вечно. Но Симон смотрел не на огонь, а на человека, сидевшего напротив. В отсветах лицо Циклопа плыло разогретым воском, складки и морщины разглаживались, меняя рельеф; волосы удлинялись, отливая медью... На миг огонь пригас, тени метнулись из углов, стремясь поглотить комнату, а когда пламя вспыхнуло с новой силой, напротив старца сидел прежний, давно знакомый Циклоп. Симон мотнул головой: примерещилось? Говорят, на склоне дней становишься мнительным.

– Инес и Черная Вдова?

– Да.

– Это зов Вдовы привел тебя в башню Красотки? Двадцать лет назад?

Циклоп кивнул.

– Забавное совпадение. А меня Инес в свое время привела в Шаннуран, к Черной Вдове. Жил-был мальчик, похищенный а'шури. Освободившись из темницы, он попал в другую темницу, где и нашел великого мага в цепях, с защитным ртом... Печальная история, не правда ли? И некому было спросить: что ты здесь делаешь, старый дурак? Какого беса ты полез в подгорные лабиринты? Если к Оку Митры ты был равнодушен, если прочие сокровища ты, выживший из ума колдун, считал пылью под ногами...

В дальнем углу шевельнулась темная фигура, до того неразличимая в сумраке. Вульм из Сегентарры устраивался поудобнее, готовясь слушать.

– Инес? В Шаннуран?!

– Не она сама. Ее поиски, ее одержимость Ушедшими. Их знаниями, утерянными в глубинах эпох...

– О да! Об Ушедших она могла говорить часами. Инес считала, что вся наша... *ваша* магия – и есть Ушедшие. Они здесь, они никуда не ушли. Вы, маги, пользуетесь ими, как рыбы-прилипалы. Вместо того, чтобы искать ключ к их наследию...

На слове «наследие» Циклоп помрачнел и умолк.

– Ты говоришь, как она, – плечи старца поникли. Маг откинулся на спинку кресла. – Я плохо понимал свою ученицу. Ушедшие – здесь? Где? В очаге? В стене?! В воздухе, которым мы дышим?!

Циклоп развел руками:

– Не знаю. Я просто слушал ее – и верил. Как дети верят в сказки.

– Инес была слабой магичкой. Я никогда не обманывался на этот счет. Она – тоже. Но ты не поверишь – я, Симон Пламенный, ей завидовал.

– Почему?

– У нее была цель. Безумная? – да. Тем не менее, год за годом, шаг за шагом, Инес шла к этой цели. А я, могучий, окруженный страхом и завистью... Ты когда-нибудь бился лбом в стену?

3. Сила слабых

*Я не видал, как седоков крушил жестокий враг,
Но в залах призраков чужих будил мой гулкий шаг;
Златого бога не лобзал тигринию пята,
Зато безлюдных городов я видел красоту.
Я дверь к царям на шумный пир ни разу не открыл,
Но смог уйти от неземных когтей и темных крыл;
Пред королевою колен не преклонил, зато
Туманный берег посетил, где не бывал никто.*

Р. Говард, «Вознаграждение»

...стена окружала его со всех сторон.

Бесплотная и незримая, она была стократ прочнее любой материальной преграды. О, встань перед ним крепостной вал, базальтовая скала или кованая решетка из лучшей стали – Симон рассмеялся бы, потирая руки в предвкушении веселой потехи. Но та стена, что исподволь сомкнулась вокруг чародея, была не по зубам Остихаросу. Старость? Симон был стар, но не дряхл. Опыт и знания, и огонь в жилах еще не оскудел. Просто червь, точивший его много лет, вдруг явил себя во всей своей мерзости. Симон достиг предела возможностей. Жечь и сокрушать, возводить башни и укрощать демонов; мчаться по небу, оседлав существа, от вида которых записной храбрец лишился бы чувств; странствовать по слоям Предвечного Мрака, спорить с обитателями эфира... Силы старца были велики. Кто рискнул бы потягаться с Симон Остихаросом, прославленным магом из Равии? Но он достиг предела.

Симону стало скучно.

Да, оставались сотни заклятий и ритуалов, которые он мог бы изучить. Так ныряльщик волен обследовать коралловые рифы и прибрежные отмели, собирать раковины-жемчужницы и отыскивать входы в потайные гроты, разглядывать стайки ярких рыб и медлительных, грязно-зеленых омаров. Но дальше, туда, где начинается истинная тьма пучины, человеку пути нет. Три дюжины локтей – его приговор. Симон плевать хотел на рыб и жемчуг – роскошь и плотские радости, почет и уважение. Симона влекла глубина.

«Отступись, – шептало благоразумие. Ему вторил здравый смысл. – Радуйся жизни, приняв ее границы...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.